

серия первая

ИСТОРИЯ

11

В. Е. НЕВЛЕР

Джозеппе ГАРИБАЛЬДИ

1 9 5 9

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

В. Е. НЕВЛЕР (ВИЛИН)

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ— НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ ИТАЛИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1959

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Начало пути	3
Революция 1848—1849 годов	10
Гарибальди в революции 1859—1860 годов	20
Борьба за завершение объединения Италии	32
Отклики гарибальдийского движения в России	39
Заключение	45

Автор
Владимир Ефимович Невлер (Вилин)

Редактор **Ю. Ф. Еремина**
Техн. редактор **Е. В. Савченко**
Корректоры **Л. С. Малышева**
и **Н. Н. Огородникова**

Обложка художника **А. Ординарцева**

A02879. Подписано к печати 30/III 1959 г. Тираж 79 000 экз. Изд. № 34.
Бумага 60×92¹/₁₆—1,5 бум. л.=3,0 п. л. Учетно-изд. 3,09 л. Заказ №476.

Типография издательства «Знание», Новая пл., д. 3/4₁

Начало пути

Джузеппе Гарибальди — один из крупнейших вождей национально-освободительного движения XIX века, самый популярный национальный герой Италии. Деятельность Гарибальди является ярчайшей страницей в истории борьбы итальянского народа за объединение страны и освобождение ее от иностранных угнетателей. Трудящиеся массы Италии видели в Гарибальди благородного защитника свободы, национальной независимости и высшей социальной справедливости. Энгельс отмечал, что именно Гарибальди и его храбрым сподвижникам принадлежит величайшая заслуга в достижении объединения Италии.

Гарибальди пользовался любовью трудящихся всего мира, его имя в середине XIX века стало знаменем борьбы за свободу и национальную независимость. Он был известен как бесстрашный партизанский вождь, как талантливый революционный полководец. В сотнях битв за свободу народов Европы и Америки участвовал Гарибальди в течение своей многолетней славной деятельности. Каждая национальность, независимость которой была попрана, обращала свои взоры к Гарибальди. «В течение целого полустолетия Гарибальди наполнял громом своего имени два полушария. Все, что было в старом поколении свободолюбивого и благородного, с трепетом и замиранием сердца следило за подвигами этого полусказочного героя», — писал о Гарибальди известный русский писатель-демократ С. М. Кравчинский (Степняк).

Имя Гарибальди популярно в нашей стране. Образ великого героя итальянского народа был известен в России уже из произведений революционных демократов: Герцена — друга Гарибальди, Чернышевского и Добролюбова, которые придавали особое значение революционной деятельности Гарибальди. Хорошо знают Гарибальди и советские люди.

Гарибальди был современником Маркса и Энгельса. Основоположники научного социализма ценили Гарибальди как

человска, способного высоко держать знамя итальянской революции¹. В. И. Ленин считал Гарибальди великим буржуазным революционером-демократом².

* * *

В течение нескольких веков отдельные области Италии много раз завоевывались и разделялись различными феодальными деспотами.

Характеризуя политическое состояние Италии, великий русский мыслитель А. И. Герцен писал, что Италия — это «страна, потерявшая три века тому назад свое политическое существование, униженная всевозможными унижениями, завоеванная, разделенная иноплеменниками, полтора века разоряемая и, наконец, совсем сошедшая с арены народов как деятельная мощь, влияющая сила, — страна, воспитанная иезуитами, отставшая, обойденная...»

После крушения наполеоновской империи, решением Венского конгресса в 1815 году Италия была разделена на восемь государств. Северные области Италии — Ломбардия и Венецианская область — были присоединены к Австрийской империи; рядом с этими областями на севере создано Сардинское королевство (Пьемонт), которое включало собственно Пьемонт и остров Сардинию; в Центральной Италии были восстановлены герцогства Парма, Модена, Тоскана и Лукка, находившиеся под австрийским влиянием; в Папской области была восстановлена светская власть пап; на юге — королевство Обеих Сицилий. Это было время, когда один из главных руководителей европейской реакции князь Меттерних заявлял, что «Италия — не государство, а географическое понятие».

В результате победы держав над буржуазной Францией и установления австрийского господства и влияния в Италии, здесь началась жесточайшая реакция. Восстановление феодальных порядков и закрепление государственной раздробленности пагубно отразились на экономике Италии в 20-х годах XIX века. Италия была одной из отсталых стран Европы. 75—80 процентов населения страны было занято сельским хозяйством. Почти все земельные фонды принадлежали дворянству и высшему духовенству. Крестьяне арендовали землю у помещиков на кабальных условиях. Наиболее распространенной формой землепользования являлась испольщина, согласно которой крестьянин за аренду должен был отдать помещику половину урожая. Этот полуфеодальный гнет усиливался тяжестью различных налогов, уплачиваемых крестьянами государству. Чрезвычайно тяжелым было положе-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II, стр. 61.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 196—197 и 324

ние рабочих, подвергавшихся чудовищной эксплуатации. Рабочий день длился 12 и более часов, а заработная плата часто бывала ниже голодного минимума.

Существование феодальных пережитков в деревне, нищенские условия жизни народных масс ограничивали внутренний спрос на товары и тормозили создание крупной промышленности. Развитие промышленности задерживалось также таможенными барьерами, установленными между отдельными итальянскими государствами, и отсутствием внутреннего общепитальянского рынка. Каждое из итальянских государств обладало своими денежными знаками, своими мерами веса, своей таможенной системой.

Но капитализм постепенно начинает прокладывать себе дорогу. Первые капиталистические предприятия были созданы в более развитых областях Северной Италии. Особенно большое развитие в это время получила переработка шелка-сырца. На севере Италии (в Милане и Турине) начало развиваться и хлопчатобумажное производство. В итальянской промышленности появились первые фабрики, хотя преобладающими все еще оставались мелкие предприятия с применением ручного труда; прокладывались первые железные дороги. Чем больше развивался капитализм, тем ощутительнее были чужеземные оковы и раздробленность страны.

Таким образом, политическое объединение Италии, уничтожение феодальных пережитков являлись основными условиями для ее дальнейшего экономического развития и улучшения жизни народных масс.

В 20—30-х годах XIX века усиливается национально-объединительное движение. Во главе его становится молодая итальянская буржуазия, так как рабочий класс в Италии был еще слабо развит и не имел своей самостоятельной партии.

Вот что представляла собой Италия, когда на политической арене появилась такая крупная фигура национально-освободительного движения, как Гарибальди.

Джузеппе Гарибальди родился 4 июля 1807 года в живописном древнем городке Ницце, на севере Италии. Отец его Доменико был потомственным мореходом. В материальном положении Доменико Гарибальди происходили бесчисленные изменения — то к лучшему, то к худшему, но богато семья Гарибальди никогда не жила, чаще всего она нуждалась. Джузеппе был любимцем семьи. Отцу хотелось вывести сына «в люди» — сделать его священником или адвокатом, но для этого он был слишком беден.

Первым учителем Джузеппе Гарибальди был аббат Джованни Джаконе — дальний родственник, живший постоянно в их семье. Он обучал его латыни и богословию, но подвижной мальчик занимался ими неохотно и не любил учителя.

Зато он любил другого своего учителя — отставного офи-

цера Арену, которому остался благодарен всю жизнь. Арена обучал его математике, родному языку и римской истории. Последние два предмета имели особое значение в воспитании Гарибальди. Чтение римской истории вызвало у впечатлительного Джузеппе любовь к великим предкам итальянского народа, к славным античным героям, и у него сердце сжималось при мысли о беспредельном унижении, в котором в его время находилась Италия. Уже в это время у него появляются первые смутные мечты о возрождении его прекрасной родины.

Свою любовь к народу и преданность отечеству Гарибальди приписывал также и влиянию своей матери Розы, с горечью рассказывавшей ему о страданиях Италии. В воспитании у мальчика отваги и стремления к подвигам сыграли свою роль и рассказы Арены о военных сражениях, в которых ему приходилось участвовать.

В раннем детстве у Гарибальди обнаружилась тяга к морю. Джузеппе было 10 лет, когда он в качестве юнги на бригантине «Костанца» совершил свою первую морскую поездку — в Одессу. Эта поездка усилила его любовь к морю. Позднее, юношей Гарибальди не раз нанимался матросом на торговые корабли частных предпринимателей. Несмотря на свою страсть к морю, молодой Гарибальди не находил удовлетворения в будничной жизни матроса. Начитанный и видевший уже мир юноша размышлял о бедственном положении итальянского народа, об угнетении Италии иностранными владыками, он искал путей возрождения Италии и избавления ее от многочисленных тиранов.

Вскоре представился замечательный случай для решения мучивших его вопросов,—это была поездка в 1833 году в Таганрог. Именно здесь, в этом захолустном городке крепостной России произошло посвящение Гарибальди в революционеры, вступление его в революционное общество «Молодая Италия», созданное в 1831 году. Основными требованиями программы «Молодой Италии» были: объединение Италии, создание независимого государства, установление республиканского строя путем восстания. Организатором общества был Дж. Мадзини, убежденный республиканец, человек железной воли, непреклонный в достижении намеченной цели. Несмотря на то, что в программе «Молодой Италии» отрицалось заговорщичество как метод борьбы, на практике Мадзини не отказывался от заговоров. В качестве идеала общественного устройства в государстве будущего Мадзини выдвигал теорию объединения труда с капиталом и равномерного распределения продуктов труда. Как отмечал В. И. Ленин, идеология мадзинизма, как и прудонизма, относится к «непролетарскому, домарксистскому социализму»¹.

¹ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 21, стр. 33.

Знакомство Гарибальди с членами революционного общества «Молодая Италия» произошло следующим образом. В Таганроге Гарибальди зашел в один из небольших трактиров, где обычно собирались итальянские моряки. Здесь в компании нескольких итальянцев он застал Кунео — одного из членов этого общества. Молодой Кунео, ставший впоследствии видным деятелем итальянского национально-освободительного движения, произнес пламенную речь, в которой призывал к восстанию, как к единственному пути освобождения родины. На Гарибальди эта речь подействовала ошеломляюще, она открыла ему глаза. Он увидел, что он не одинок, что есть еще люди, так же как и он думающие об освобождении Италии. Гарибальди тут же поклялся посвятить свою жизнь борьбе за освобождение родины и вскоре после этого стал членом организации «Молодая Италия» под кличкой «Борель».

В этом же году ему представился случай познакомиться с социалистами-утопистами, идеи которых его очень заинтересовали. Группа изгнанных из Парижа сенсимонистов отправилась на Восток — в Константинополь. Капитаном перевозившего их судна оказался Гарибальди. Сенсимонисты ознакомили его со своими идеями равенства и братства, посвятили в свои планы уничтожения бедности на земле. Молодой человек был пленен ими; перед ним раскрылся не ведомый ему доселе мир с новыми идеями. Гарибальди писал позже, что после этих бесед с сенсимонистами он «возвращался полный энергии, полный новых идей, жадный до новых дел...»

Большое значение для Гарибальди имела и его встреча с Мадзини, которая произошла в 1833 году, в Марселе, где находился главный штаб «Молодой Италии». Политические взгляды Гарибальди к тому времени еще не сформировались, и Мадзини, выдвигавший подробно разработанную программу, не мог не оказать сильнейшего влияния на страстного патриота и инстинктивного революционера Гарибальди. Правда, уже и тогда Гарибальди не все нравилось в Мадзини, слишком различные это были натуры. Гарибальди, близко связанный с народом, хорошо понимал его чувства, стремления. Мадзини, несмотря на свои демократические убеждения, не интересовался серьезно положением народа, был далек от него.

Вскоре после знакомства с Гарибальди Мадзини начал готовить Савойскую экспедицию, имевшую целью поднять восстание в Пьемонте. Это было в сентябре 1833 года. По предложению Мадзини, Гарибальди специально поступает на службу в Сардинский королевский флот, чтобы вести там агитацию среди матросов и обеспечить поддержку восстания частью военного флота. На фрегате «Эвридика», где Гарибальди служил матросом, он быстро привлек на свою сторо-

ну экипаж и подготовил его к восстанию. 31 января 1834 года, согласно разработанному Мадзини плану, два отряда по 100 человек каждый выступили из Женевы и двинулись в Савойю. Но один из них тут же был задержан швейцарскими войсками, а другой разбит сардинской армией. Гарибальди, ожидавший условного сигнала к восстанию, узнал, что экспедиция не удалась и вынужден был из Генуи бежать во Францию. Прибыв в Марсель, Гарибальди в местной газете прочитал, что вместе с другими участниками заговора он приговорен генуэзским военным судом к смертной казни.

В жизни Гарибальди начался длительный период изгнания — с 1834 до 1848 года. Но это не было для него периодом бездейственного ожидания «лучших времен». Это было время самоотверженной борьбы за свободу угнетенных народов, борьбы, выковывавшей его революционную отвагу и обучившей партизанскому искусству.

В то время взоры итальянских политических эмигрантов устремлялись в страны Южной Америки, где не утихали непрерывные национально-освободительные войны. Гарибальди представлял себе эти страны как поле сражения, где он сможет приложить свои усилия в борьбе за свободу. И действительно, именно здесь, на широких просторах Южной Америки, произошло его первое боевое крещение.

В конце 1835 года Гарибальди отправился в Бразилию. Прибыв в Рио-де-Жанейро, он повстречался с итальянскими революционными эмигрантами. Здесь Гарибальди узнал о борьбе за независимость провинции Рио-Гранде, отколовшейся незадолго перед тем от Бразилии. Он поспешил к президенту молодой Рио-Грандской республики Гонзалесу, чтобы предложить ему свои услуги. Президент поручил ему организовать партизанский отряд, снарядить военное судно и начать партизанскую войну против Бразилии. Гарибальди с радостью принял это предложение. В течение почти семи лет Гарибальди мужественно сражался за свободу и независимость маленькой республики. Он руководил партизанским отрядом, командовал морскими сражениями, всегда побеждал вдвое сильнее него неприятеля. В одном из сражений Гарибальди был тяжело ранен, затем взят в плен сторонниками бразильского императора и в тюрьме подвергся жестоким пыткам. Он просидел в тюрьме несколько месяцев и измученный и больной был выпущен на свободу.

В 1842 году, после окончания войны в Рио-Гранде, Гарибальди уехал в Монтевидео — столицу республики Уругвай, где развертывалось освободительное движение против происков аргентинского диктатора Розаса, стремившегося ликвидировать независимость республики. Храбрый воин не замедлил выступить в защиту независимости республики. Он организовал итальянский легион из революционных эмигрантов.

Одежда легионеров была оригинальной — красная рубашка, ставшая впоследствии символом революционно-освободительного движения в Италии. Героические сражения легиона овеяли славой храбрых гарибальдийцев в Америке и Европе. В течение своей четырехлетней борьбы за независимость Уругвая легион не знал поражений. «Все дрались, как древние рыцари, подвиги которых воспеты Тассо и Ариосто», — писал позднее Гарибальди о легионерах. Гарибальди действовал со своими партизанами на суше и на море. Как только появлялась необходимость действовать на суше, экипаж мгновенно высаживался на берег, доставал лошадей у населения и превращался в кавалерийский отряд, грозный для врагов.

Гарибальди побеждал благодаря смелости и решительности людей, которых он вел, благодаря тому безграничному доверию, какое он умел внушать к себе, благодаря прочной связи с народом и своему полководческому гению. В партизанские отряды Гарибальди шли простые люди, «люди всех цветов и наций», — как говорил он о своей армии.

После блестящих побед, одержанных Гарибальди, правительство Уругвая предложило всем легионерам в дар земельные участки. Гарибальди ответил, что он и его товарищи брались за оружие не ради корыстных целей, а ради защиты дела свободы и независимости народов.

Во время пребывания в Южной Америке Гарибальди женился. Его женой стала Анита Риберас, смуглая бразильская девушка, с огненными глазами и такой же пламенной душой, как и у Гарибальди. Она без колебаний покинула отцовский дом, друзей и пошла за Гарибальди. Анита стала его лучшим, самым преданным другом, женой и боевым товарищем. Она участвовала во всех сражениях и всегда находилась на самом опасном месте; она была бесстрашным солдатом и отличным офицером, командиром подразделений и адъютантом Гарибальди, сестрой милосердия и разведчиком.

Подводя итоги своим американским походам, Гарибальди писал в воспоминаниях: «В Америке я служил, или лучше сказать, действовал на пользу народов; как тут, так и в Европе, я был врагом абсолютизма...».

За борьбой Гарибальди в Южной Америке следила вся революционная Италия, его имя стало здесь самым популярным, и угнетенные народные массы ждали его как избавителя. С полным основанием писатель-демократ С. М. Кравчинский (Степняк) писал, что американские походы подготовили не только Гарибальди для Италии, но и Италию для Гарибальди. Сам же Гарибальди рассматривал свои американские походы как подготовку своих сил к будущей борьбе за освобождение Италии.

До далекого Уругвая стали доходить отрывочные сведе-

ния о начавшемся в Италии революционном подъеме. Гарибальди узнал о новой волне народного движения в Италии. Разгорелась заря революции 1848—1849 годов, и он стал готовиться к возвращению на родину.

Революция 1848—1849 годов

40-е годы XIX века ознаменовались обострением противоречий феодальной системы, с одной стороны, и развивающимися и крепнущими новыми буржуазными отношениями — с другой. Старые феодально-абсолютистские порядки поддерживались не только силами внутренней реакции, но и внешней — Австрийской монархией. В конце 40-х годов в итальянских государствах усилилась борьба за освобождение Италии от австрийского ига. Национально-освободительное движение все больше охватывало широчайшие общественные слои Италии — от либерального дворянства до городских низов.

В политической жизни Италии обозначились два основных направления, характерные для дальнейшей борьбы за объединение страны: либеральное и буржуазно-демократическое.

Либералы, выражавшие интересы крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, не были заинтересованы в радикальных преобразованиях, в упразднении полуфеодальной эксплуатации крестьян. Они добивались только частичных экономических и политических реформ, которые бы укрепили их собственные позиции и дали бы возможность приостановить подъем революционного движения. Виднейшими представителями либеральной партии были Джоберти, Бальбо и д'Адзелио, а позднее — Кавур. Они все боролись за объединение Италии «сверху», путем династических сделок.

Буржуазно-демократическое направление в освободительном движении возглавлял Джузеппе Мадзини. Представители этого направления боролись за создание в Италии единой демократической республики. Считая, что объединение Италии может быть достигнуто путем революционного восстания, мадзинисты обращались к мелкой и средней буржуазии, рабочим, ремесленникам, городской бедноте. Слабой стороной деятельности буржуазных революционеров была недооценка аграрного вопроса. Мадзини не выдвинул аграрной программы, способной поднять на борьбу крестьян.

Волнения и восстания 40-х годов в городах и селах Италии напоминали о приближении революционной бури. К этому времени ненависть итальянцев к чужеземному владычеству достигла наивысшей степени. Как отмечал Энгельс, в течение 30-летнего владычества Австрия проводила в Италии систему «терроризма осадного положения»¹. Ее многочисленные шпионы и полицейские, разбросанные по всей стране,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. II, стр. 31.

жестоко расправлялись с итальянскими патриотами. Количество политических заключенных исчислялось тысячами. Погибали сотни лучших сынов итальянского народа. Но кровавый террор не мог остановить борьбу за свободу и независимость Италии. Наоборот, он способствовал превращению Италии в пылающий революционный кратер.

В этих условиях правители некоторых итальянских государств вынуждены были прибегнуть к реформам. Первым в Италии начал проводить в своем государстве реформы папа Пий IX, занявший римский престол в июне 1846 года. Он учредил консулту (государственный совет), куда наряду с духовными допускались и гражданские лица — представители от помещиков и торгово-промышленной буржуазии, объявил частичную амнистию политическим заключенным. Незначительные уступки монархов были использованы либералами для того, чтобы попытаться внушить народу мысль, что сами государи выступают за освобождение и объединение Италии. Массы же восприняли эти реформы как начало революции. По всей Италии прокатилась волна демонстраций, стихийных выступлений городской бедноты и крестьян.

Вести о событиях в Италии быстро доходили до американского материка, о них узнали и гарибальдийцы. «Мысль о возвращении на родину, надежда помочь своими руками ее освобождению заставляла наши сердца биться сильнее», — писал Гарибальди. Ему казалось, что «наступила эра освобождения Италии».

Великий патриот готовился к отъезду на родину с отрядом своих легионеров. Отъезд этот был сопряжен с большими трудностями: не было денег. В своих мемуарах Гарибальди рассказывал, что для того, чтобы зафрахтовать корабль, он и его товарищи вынуждены были продать все до последней рубашки. Гарибальди создал вокруг себя дружный и дисциплинированный коллектив из наиболее революционных и стойких волонтеров, готовых отдать свою жизнь за освобождение Италии. Он обратился к уругвайскому правительству за помощью. Правительство выдало небольшую сумму денег, две пушки, несколько сот ружей и т. д.

Наконец, подготовка к отъезду была закончена. Отправляющийся в Италию отряд был немногочислен. Гарибальди взял с собой только 63 самых способных и храбрых воинов. Точных сведений о положении в Италии Гарибальди не имел, но уже ставил перед собой вполне четкие и ясные задачи: «содействовать восстанию там, где уже оно было в разгаре, и распространить его в тех местах, в которых его еще не было».

А в Италии в это время бушевал пожар революции. Прежде всего революция разразилась на юге страны — в Сицилии. 12 января 1848 года в Палермо — столице Сицилии — вспыхнуло восстание городских низов, поддержанное сицилийскими

крестьянами; через несколько дней к ним присоединилась и буржуазия. В течение девяти дней восставший народ сражался на баррикадах с войсками короля Фердинанда II и изгнал династию Бурбонов из Палермо. Либералы образовали сицилийское временное правительство. Восстание в Сицилии послужило толчком к началу революционного движения во всем Неаполитанском королевстве. Испуганный народными волнениями, Фердинанд II пошел на уступки — согласился на образование нового министерства с участием либералов и обнародовал указ о провозглашении конституции.

Эти события вызвали сильный отклик по всей стране. В Пьемонте, Тоскане, в Папском государстве, в Ломбардо-Венецианском королевстве — всюду массы были охвачены революционным порывом.

18 марта началась революция в Милане — главном городе Ломбардии. Пятидневные упорные баррикадные бои миланцев привели к изгнанию австрийской армии во главе с фельдмаршалом Радецким не только из Милана, но и из всей Ломбардии. 22 марта в Милане было образовано временное правительство во главе с либералом Казатти. Энгельс, внимательно следивший за героической борьбой миланцев, назвал пятидневную революцию в Милане «самой славной революцией из всех революций 1848 г.»¹.

Почти одновременно с Миланом поднялась Венеция. Революция в Венеции привела к провозглашению 22 марта Венецианской республики, во главе которой встал мадзинист Даниэль Манин.

Революционное пламя охватило как север, так и юг Италии. Народные массы всех итальянских государств требовали объявления войны Австрии и объединения страны. Всюду звучали возгласы: «Да здравствует единая, свободная Италия!» 25 марта первым объявил войну Австрии пьемонтский король Карл-Альберт. Война была настолько популярна среди итальянцев, что из-за страха перед революцией вынуждены были послать свои войска на фронт герцог Тосканы и Фердинанд II Неаполитанский. А Пий IX издал даже обращение, «благословившее» войну.

К моменту приезда Гарибальди почти вся Италия была охвачена единым порывом — изгнать иностранных поработителей из страны.

Корабль, на котором плыл Гарибальди со своими сподвижниками, 21 июня 1848 года бросил якорь в первом ближайшем порту — в Ницце. Прибытие Гарибальди превратилось в настоящий народный праздник. Весть о его приезде распространилась молниеносно по всему городу. Население тепло приветствовало Гарибальди.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 259.

Казалось, вся Италия знала в лицо героя. Всюду, где ни побывал Гарибальди, его радостно встречали; к нему беспрерывно подходили все новые и новые люди, пожимали руку и тепло обнимали. Гарибальди отправился в Геную, чтобы договориться об организации волонтерских отрядов. Здесь он и столкнулся с первыми препятствиями национально-освободительному движению со стороны приверженцев старого режима и поддерживавших их либералов.

Итальянский народ мог освободиться от тирании Австрийской империи только развязав подлинно-народную, революционную партизанскую войну. Но этого-то как раз и не хотели либералы, боялись монархи и их окружение. Из страха перед активностью народных масс Карл-Альберт воздерживался от решительных военных действий на фронтах.

После того как главное командование пьемонтской армии отказалось принять предложение Гарибальди о создании волонтерских отрядов, он немедленно уехал в Милан и предложил свои услуги временному правительству Ломбардии. Но пьемонтский посол в Милане всячески старался помешать созданию истинно народной и патриотической армии под командованием Гарибальди. Он пытался уговорить временное правительство не организовывать волонтерских отрядов под тем предлогом, что их форма (красная рубашка, на которой настаивал Гарибальди) слишком заметна и будет привлекать внимание неприятеля. Но все же Гарибальди добился того, что временное правительство поручило ему создать несколько волонтерских отрядов, с которыми он должен был отправиться на фронт. Вскоре под его знамена начали стекаться добровольцы, главным образом из городской бедноты.

Не успел Гарибальди собрать и 3 тысячи человек, как получил приказ от временного правительства Ломбардии немедленно организовать оборону города Милана. В это время пьемонтская армия потерпела от австрийцев сильное поражение в битве при Кустоце и стремительно отступала. Милан был сдан трусливым Карлом-Альбертом врагу, а помощь Гарибальди героическим миланцам опоздала. 6 августа фельдмаршал Радецкий снова вступил в Милан, устроив в городе настоящую бойню, а через три дня Карл-Альберт заключил с ним капитулянтское, позорное перемирие, вызвавшее взрыв возмущения во всей Италии. «...Истерзанная Италия снова очутилась в рабстве, — писал Гарибальди по поводу этого предательского перемирия, — и не было руки, которая могла бы собрать ее силы и обратить их против врагов и предателей... Народы, с таким самопожертвованием и героизмом сбросившие с себя позорное ярмо, были отданы на милость варваро-притеснителя, — они, которые одни, без всякой помощи, в пять вечно памятных дней прогнали привычных к войне австрийских солдат, как стадо скота». Гарибальди понимал истин-

ные причины поспешного заключения перемирия и указывал, что оно было вызвано боязнью мадзинистов, усилившихся в Италии и считавшихся опасными для пьемонтского престола. Он выпустил прокламацию, в которой заклеил Карла-Альберта как изменника отечеству.

Гарибальди не признавал перемирия и призывал к продолжению войны. Он решил начать в Ломбардии партизанскую войну и двинулся во главе своих храбрых волонтеров в Альпы. Партизанская война, по мнению Гарибальди, «могла быть первым толчком к освобождению страны... в партизаны пошла бы вся нация...». И действительно, население почти везде оказывало Гарибальди теплый и радушный прием и помогало ему, чем только могло. Радецкий пытался окружить Гарибальди в Ломбардии 75-тысячной армией. Партизанский отряд Гарибальди не мог устоять против превосходно вооруженной и хорошо обученной австрийской армии. Он был прижат к швейцарской границе, но не сложил оружия.

Вероломное прекращение Карлом-Альбертом войны против Австрии вызвало особое негодование народных масс. В двух крупных городах герцогства Тосканы — в Ливорно и во Флоренции — рабочие и ремесленники подняли восстание. Восставший народ добился образования в Тоскане демократического правительства во главе с популярным писателем Гверацци. Под влиянием республиканцев правительство Гверацци выдвинуло требование созыва итальянского Учредительного собрания. Энгельс отмечал особое значение восстания народных масс Тосканы для развертывания борьбы за республику во всей Италии. Со времени восстания ливорнцев (август 1848 года) начался новый этап итальянской революции, приведшей к установлению революционно-демократической диктатуры в Венеции, Тоскане и Папской области.

Гарибальди решил через Романью (северная часть Папской области) пробраться в Венецию и помочь героическим венецианцам устоять против Радецкого. После выхода Пьемонта из войны и вторичного завоевания Радецким Ломбардии лишь одна Венеция продолжала вести войну за независимость, и Гарибальди спешил к ней на помощь. Был уже ноябрь, Гарибальди приходилось перебираться через покрытые снегом Апеннины с отрядом волонтеров, плохо обутой и одетых. Уже добравшись до Равенны, он получил важные известия: в Риме 15 ноября неизвестным был убит премьер папского правительства Росси — ненавистный массам сторонник австрийской тирании. В Риме началась революция. Восставший народ заставил Пия IX уступить. 16 ноября папа объявил, что согласен образовать светское правительство из представителей умеренных либералов. В состав правительства были включены вожаки либералов Галлетти и Мамиани. После образования нового правительства волнения в Риме не

прекращались. Пребывание в «мятежной столице» показалось папе опасным, и он 25 ноября, переодевшись, бежал в пограничную неаполитанскую крепость Гаэту. В ноябрьскую революцию в Риме народные массы одержали одну из решающих побед — светская власть папы была фактически уничтожена.

Гарибальди отправился в Рим, чтобы подробнее ознакомиться с положением и тогда решить, как действовать дальше. В Риме Гарибальди узнал истинное лицо либерального правительства, готового из-за боязни революционных масс пойти на уступки реакции. «В Риме господствовал тот же дух,— писал Гарибальди,— что в Милане и во Флоренции. Италия, оказывается, нуждалась не в бойцах, а в говорунах и торгашах! Деспотизм, чтобы перехитрить и усыпить народ, предоставил на некоторое время бразды правления болтунам, зная, что эти попуган только расчистят дорогу ужаснейшей реакции, назревавшей на всем полуострове».

Гарибальди требовал решительных мер против реакции и продолжал собирать вокруг себя волонтеров. Он, как и Мадзини, вел энергичную агитацию за созыв Учредительного собрания. Учредительное собрание в Риме должно было явиться зародышем итальянской демократической республики. Правительство вынуждено было назначить выборы в Учредительное собрание. Они произошли 21 января 1849 года. Гарибальди был избран депутатом собрания от города Мачераты. 5 февраля на первом же заседании, когда обсуждался вопрос о форме правления, Гарибальди потребовал немедленного провозглашения Римской республики. Учредительное собрание объявило о лишении папы светской власти и провозгласило 9 февраля 1849 года Римскую республику. Позже (29 марта) собрание передало управление республикой триумvirату (Мадзини, Саффи и Армелини), получившему диктаторские полномочия.

Учредительное собрание Римской республики провело ряд важных социальных мероприятий: был издан декрет о национализации церковных земель и разделении их на мелкие арендные участки, введен прогрессивный налог на богатей в виде принудительного займа, уничтожены соляные и табачные монополии, уничтожены церковные суды и учрежден гражданский трибунал.

Победа Римской республики вызвала новую волну революционного подъема по всей стране. 18 февраля Тоскана была провозглашена республикой. Это был период, когда развитие итальянской революции дошло до своего кульминационного пункта, и можно было думать, что вот-вот вся Италия освободится от своих многочисленных тиранов и станет единой республикой.

Но в то время европейская революция переживала уже

период упадка. Разгром июньского восстания парижских рабочих усилил позиции европейской контрреволюции — дал возможность интервентам, главным образом австрийским и французским, расправиться с итальянской революцией.

20 марта 1849 года истек срок перемирия с Австрией. Возобновленная Карлом-Альбертом война длилась недолго: уже 23 марта при Новаре пьемонтские войска были наголову разбиты австрийцами. Карл-Альберт отрекся от престола в пользу своего сына Виктора-Эммануила II и покинул Италию. Поражение пьемонтцев при Новаре дало возможность Радецкому начать контрнаступление против итальянских республик. Он осадил Венецию, расправился с Тосканой. Кольцо контрреволюции стало сжиматься вокруг Римской республики. Европейские державы — Австрия, Франция, Испания, а также королевство Обеих Сицилий — активно готовили интервенцию против республиканского Рима.

Решающую роль в подавлении революционного Рима сыграли вооруженные силы Франции и Австрии. В апреле 1849 года Луи Наполеон Бонапарт — президент Французской республики — снарядил экспедицию генерала Удино в Италию. Ко времени прибытия Удино Гарибальди с небольшим отрядом волонтеров находился в маленьком городке Ананьи. Он получил приказ от Мадзини немедленно явиться в Рим. Учредительное собрание Римской республики решило дать отпор интервентам. В городе началось сооружение баррикад. 27 апреля во главе легиона верхом на лошади в Рим явился Гарибальди, одетый в белый пончо (род плаща) и красную рубашку. Герой был восторженно встречен народом. Гарибальди было поручено организовать защиту кольца стен, окружавших город. В ночь на 30 апреля армия Удино, вооруженная первоклассной техникой, начала атаку. В продолжение всего следующего дня происходили упорнейшие бои с переменным успехом. Гарибальди лично руководил сражением и всегда был там, где происходили решающие схватки. К вечеру 30 апреля Удино был разбит, и его армия обратилась в позорное бегство. Эта победа слабо вооруженных и малообученных волонтеров над столь сильным противником могла быть одержана лишь благодаря патриотизму масс, умению Гарибальди воодушевлять их, благодаря его личной самоотверженности.

1 мая Удино предложил триумvirату перемирие. Это был маневр: неприятелю нужно было выиграть время, чтобы получить подкрепление. Триумvirат во главе с Мадзини допустил большие ошибки. Мадзини боялся чрезмерной, как ему казалось, решительности Гарибальди. Главнокомандующим военными силами республики он назначил неспособного, но зато умеренного генерала Росселли, боясь назначить на этот пост пользовавшегося популярностью Гарибальди. На оборону

Рима Мадзини стянул все военные силы республики, оставив без защиты даже границы. В то же время он нисколько не заботился о привлечении народных масс всей республики для обороны Рима. Гарибальди понимал ошибочность этой тактики и критиковал ее. Он считал, что на оборону Рима надо поднять народные массы всей республики и что защищать столицу надо не только у ее стен, но и боевыми действиями в тылу противника. Но Гарибальди вынужден был подчиниться Мадзини, бывшему «душой» триумvirата. Пока первый триумvir вел переговоры с представителями Франции, к Риму подоспели новые силы Луи Наполеона, и Удино заявил, что 4 июня он прекращает перемирие. С севера в это время к Риму приближались австрийцы.

Увидев, что в создавшемся тяжелом положении главнокомандующий Росселли не способен организовать оборону столицы, Гарибальди потребовал у Мадзини передачи всей полноты власти в его руки. Но тот высмеял его. В критический момент революции Мадзини проявил нерешительность. Позднее Гарибальди писал об этом конфликте с Мадзини: «...увидев, что гибель неминуема, я потребовал диктатуры, точно так же как в известных случаях жизни потребовал бы управления лодкой, которую шторм бросает о скалы. Но Мадзини и его сторонники нашли мое требование странным». Тем временем Удино, нарушив перемирие, уже в ночь на 3 июня начал бомбардировку города, окружив его со всех сторон своей 100-тысячной армией.

В продолжение всего июня Гарибальди во главе своих самоотверженных волонтеров десятки раз бросался в бой, рискуя жизнью и теряя своих лучших сподвижников. Но осажденный город изнемогал и не мог больше сопротивляться. 1 июля в Учредительном собрании решался вопрос: продолжать оборону или прекратить ее? Был вызван Гарибальди. Он пришел прямо с передовой линии, весь в поту и в грязи.

«Возможно ли продолжение обороны?» — спросили у Гарибальди триумvире. «Мы сможем продержаться всего лишь несколько дней, и то при условии полного разрушения половины города», — последовал ответ Гарибальди. На другой день Собрание решило прекратить оборону. 3 июля армия Удино вступила в Рим. Так французскими штыками была задушена Римская республика и восстановлена власть папы.

Гарибальди все еще не хотел сдаваться. Он решил пробиться сквозь неприятельский строй, чтобы попытаться еще раз изменить судьбу родины. Он ответил решительным отказом на советы друзей скрыться или бежать и заявил, что не считает еще судьбу Италии безнадежной и не думает прекращать борьбу. 2 июля Гарибальди собрал своих волонтеров на площади Ватикана и заявил им: «...предлагаю тем из вас, кто

захочет последовать за мною: голод, жажду, холод и зной; никаких запасов, но постоянные тревоги; отсутствие пороха, но битвы со штыками, форсированные марши день и ночь, солдатское житье, словом — кто любит славу, пусть идет за мною!».

Таких нашлось 4 тысячи человек. С этим отрядом Гарибальди двинулся на помощь Венецианской республике, в продолжение восьми месяцев упорно сопротивлявшейся австрийцам. Этот поход мог предпринять только такой беззаветно преданный революции человек, легендарный герой, каким был Гарибальди. В самом деле, революция подавлена почти по всей Италии; чтобы добраться до Венеции, нужно было пройти всю Центральную Италию, занятую австрийцами, свирепо расправлявшимися с каждым итальянским патриотом; сам Гарибальди и его волонтеры были измучены и плохо вооружены, их преследовала французская армия. Но Гарибальди все же решился на этот поход. Этим отступлением из Рима Гарибальди показал себя не только талантливым полководцем и отважным героем, но и выдающимся военным стратегом. В течение месяца Гарибальди десятки раз вырывался из железного кольца трех армий, приводя неприятеля в изумление ловкостью маневрирования и своей отвагой.

Вместе с Гарибальди все время была Анита. Она героически сражалась в дни обороны Рима, участвуя в боях в качестве адъютанта Гарибальди или командира подразделения, занимавшего ту или иную передовую позицию. Когда после падения Рима Гарибальди выступил в поход, Анита отправилась вместе с ним. Путь был неописуемо труден. Отряду пришлось перебираться через Апеннины. Провизии не было, и не на что было ее купить. Мало того, что приходилось отбиваться от трех армий противника, нужно было остерегаться шпионов и предателей, количество которых увеличивалось с каждым днем после воцарения реакции. Гарибальди был вынужден каждую ночь переходить с одного места на другое. Анита не выдержала тяжелого пути: больная и истощенная, она умерла в дороге.

Видя, что продолжать поход невозможно, Гарибальди решил 31 июля перейти на территорию нейтральной республики Сан-Марино, где распустил свой отряд. Прощаясь со своими волонтерами, он заявил: «Солдаты! Я освобождаю вас от обязанности следовать за мной дальше. Отправляйтесь обратно на вашу родину, но помните, что Италия не должна пребывать в рабстве и позоре!»

Так кончилось героическое отступление Гарибальди из Рима. Энгельс писал об этом походе и о Гарибальди: «...австрийцы недооценили этого человека, которого они называют атаманом разбойников; а между тем, если бы они потрудились изучить историю осады Рима и его похода из Рима в

Сан-Марино, то они признали бы в нем человека необычайного военного таланта, выдающегося бесстрашия...»¹.

Сам же Гарибальди, распустив свой отряд, и теперь все еще не намеревался сложить оружие. Он надеялся с горстью товарищей пробиться в Венецию. В полночь 1 августа Гарибальди направился с отрядом в 200 человек лучших своих сподвижников из Сан-Марино к берегу Адриатического моря, чтобы на лодках добраться до Венеции. На берегу моря Гарибальди встретил рыбаков, сейчас же узнавших его. Они предоставили в его распоряжение 13 лодок, в которых он разместил своих сподвижников. Австрийцы открыли пушечный огонь по лодкам. Гарибальди удалось привести к берегу только четыре лодки. Остальные были частью захвачены, частью потоплены.

Гарибальди, чтобы спастись, пришлось пересечь весь полуостров с востока на запад. Он бежал в Тоскану, а оттуда добрался до Пьемонта. В первом пьемонтском городе — в Кьявари, куда прибыл Гарибальди, он был арестован, затем доставлен в Геную и заключен в крепость. Этот арест вызвал взрыв возмущения широких масс. Даже смиренный пьемонтский «парламент» осудил правительство за арест Гарибальди и потребовал его освобождения. Правительство вынуждено было его освободить, предложив ему, однако, покинуть пределы Пьемонта.

Гарибальди видел, что теперь в Италии ему уже нечего делать: 22 августа была задушена последняя республика Италии — Венецианская, австрийцы снова хозяйничали в Северной и Центральной Италии, всюду восторжествовала реакция, и он вынужден был согласиться на вторичное изгнание, надеясь вернуться, как только услышит голос восставшей Италии.

Революция 1848—1849 годов не принесла Италии национального объединения и не освободила ее от гнета иностранных и отечественных монархов. Это произошло потому, что итальянская буржуазия, возглавлявшая революцию, не способна была довести ее до победного конца.

Буржуазия не была однородной, и в соответствии со своими классовыми интересами различные прослойки ее преследовали в революции разные цели. Либеральная буржуазия, возглавлявшая революцию на первом ее этапе, до августа 1848 года, была напугана размахом революции. Охваченная страхом перед поднявшимся на борьбу народом, она в ходе революции правела и пошла на сделку с монархией. Среди итальянской буржуазии было значительное количество землевладельцев, сдававших крестьянам землю в аренду. Эта прослойка буржуазии больше всего боялась аграрной революции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. II, стр. 183.

В августе 1848 года наступил второй этап революции. В некоторых итальянских государствах руководство взяли в свои руки революционные демократы, мелкобуржуазные элементы. Но и это наиболее революционное крыло буржуазии не решилось связать национальную борьбу с аграрной революцией. Оно относилось к крестьянству с недоверием, недооценивало его как одну из движущих сил революции. Поэтому в большинстве итальянских государств крестьянство не поддержало революцию. Пролетарские же массы в революции 1848—1849 годов самостоятельной роли не играли, ввиду молодости и неразвитости рабочего класса Италии.

Очень неблагоприятно для итальянской революции сложилась международная обстановка. Победа контрреволюции во Франции и Австрии дала возможность французским и австрийским интервентам задушить революцию в Италии.

Несмотря на свое поражение, революция 1848—1849 годов в Италии сыграла огромную роль в борьбе за объединение страны. В огне революции закалялись и воспитывались народные массы. Гарибальди показал себя в этой революции вождем в борьбе за воссоединение Италии «снизу», за установление демократической республики.

Гарибальди в революции 1859—1860 годов

Гарибальди решил вначале поселиться на севере африканского материка — в Тунисе. «Надежда на лучшее будущее для моей родины заставила меня предпочесть место, находящееся неподалеку», — писал он. Действительно, от Туни-са до западной оконечности Сицилии не больше 200 километров. Однако тунисский бей запретил Гарибальди поселиться в своих владениях. Некоторое время Гарибальди пробыл в Танжере, а затем решил снова переплыть океан и поселиться в Америке. Летом 1850 года Гарибальди уже прибыл в Нью-Йорк. У него не было средств к существованию, но он не боялся никакой работы. Гарибальди поступил на работу на свечную фабрику. Долгие часы простаивал он с засученными руками у котла, зарабатывая себе на хлеб. Не раз Гарибальди пытался наняться грузчиком в нью-йоркский порт, но это не удавалось. В 1851 году он поступил капитаном на торговое судно, в течение нескольких лет плавал по разным морям и океанам. В начале 1854 года итальянский судовладелец предложил Гарибальди отвести в Геную купленное им в Нью-Йорке судно. Гарибальди принял предложение и в конце февраля 1854 года прибыл в Лондон, где сделал временную остановку.

Здесь он вновь встретился с Мадзини, который познакомил его с А. И. Герценом. С первого же знакомства эти различные по своему характеру и по взглядам люди почувство-

вали влечение друг к другу. Через несколько дней после первой встречи, 14 марта 1854 года, Гарибальди пишет Герцену, что он его «друг на всю жизнь».

По прибытии в Геную Гарибальди не мог удержаться от поездки в Ниццу к своим детям, которых он не видел пять лет. После посещения Ниццы его охватило желание остаться на родине в надежде в скором будущем возобновить борьбу.

Не имея возможности остаться даже в самом «либеральном» государстве Италии — Пьемонте, Гарибальди решил поселиться на одном из маленьких островов Тирренского моря — на диком острове Капрера. Гарибальди купил там участок земли и занялся земледелием, охотой и рыболовством.

Это были годы спада революционного движения и усиления влияния умеренно-либерального течения. Некоторые видные деятели республиканской партии Мадзини перешли на позиции либералов. В предстоящих битвах за свободу Италии они рассчитывали главным образом на военные силы Пьемонта и полагали, что объединение Италии возможно только «сверху», вокруг Савойской династии. Гарибальди на некоторое время также поддался этим настроениям.

В 1857 году Маниным, бывшим главой героической Венецианской республики, было основано «Национальное общество». Оно считало, что воссоединение Италии невозможно без содействия Пьемонта, и выставило своим лозунгом «Италия и Виктор-Эммануил». Как только общество было образовано, к Гарибальди обратился его бывший друг Паллавичино с предложением принять в нем участие. Гарибальди обещал обществу свою поддержку и был зачислен в его ряды. Впрочем, активного участия в работе общества Гарибальди не принимал, а в 1859 году, убедившись в его реакционности, официально заявил о своем выходе из него.

Стремясь играть роль гегемона в Италии и объединить ее под своей эгидой, Пьемонт уже давно готовился к популярной в народе войне против Австрии. Однако для осуществления своей династической политики он нуждался в иностранных союзниках

Летом 1858 года на курорте в Плombьере состоялось тайное свидание французского императора Наполеона III с Кавуром. На совещании было решено начать войну против Австрии. Согласно договоренности, после победы над Австрией Пьемонт должен был получить Ломбардию и Венецию, а в виде компенсации за это уступить Франции Савойю и Ниццу. Однако, заключив тайно династическую сделку с Францией, сардинское правительство стремилось одновременно привлечь на свою сторону итальянских республиканцев.

Когда приготовления к войне заканчивались и нужно было возможно скорее начинать военные действия, граф Кавур (в феврале 1859 года) пригласил Гарибальди в Турин и пред-

ложил ему начать вербовку волонтерских отрядов. Хотя Гарибальди подозрительно отнесся к планам Кавура относительно войны против Австрии, он все же принял это предложение. «Я привык подчинять любые свои политические убеждения цели объединения Италии, каким бы путем это ни происходило», — так объяснял Гарибальди принятие предложения Кавура. Соглашаясь сражаться в рядах пьемонтской армии, Гарибальди, очевидно, тайно надеялся, что в этой войне вместе с другими падет и сардинская монархия. Если Виктор-Эммануил и Кавур стремились использовать Гарибальди и всю революционную демократию в своих интересах, то Гарибальди надеялся, что ему удастся использовать хорошо вооруженную армию пьемонтского короля в интересах итальянской революции.

Как только Гарибальди явился в Турин, столицу Пьемонта, и обратился с призывом к народу, толпы добровольцев начали стекаться к нему со всех концов полуострова. Используя имя Гарибальди для вербовки волонтеров, Кавур вначале не дал ему даже командования самостоятельным подразделением — он был назначен офицером в часть генерала Чальдини. Только позже Гарибальди все же получил командование трехтысячным корпусом альпийских егерей (охотников), состоявшим из одних добровольцев.

29 апреля 1859 года Австрия, узнав о военных приготовлениях Пьемонта и Франции, начала войну первой. Наполеон III вступил со своей армией в Пьемонт, и объединенная франко-пьемонтская армия отправилась навстречу австрийской армии. Гарибальди во главе своего отряда переправился на левый берег реки Тичино и после нескольких решительных сражений с австрийцами вступил в ближайший город Ломбардии — Варезе.

В 1848 году Гарибальди последним покинул Ломбардию, в 1859 году он первым вступил в нее. Война вызвала всеобщий патриотический подъем в Италии, так как народ связывал с ней надежду на освобождение страны. В Ломбардии уже назревала революция. Во многих городах происходили волнения, народ срывал австрийские флаги и вывешивал национальные.

После победы при Варезе последовала победа при Комо. Генерал Урбан панически отступал, а Гарибальди занимал город за городом: Бергамо, Паладзоно, Брешию и др. Это был первый триумфальный марш Гарибальди в революции 1859—1860 годов.

Но Гарибальди не мог оставаться только талантливым военачальником, жизнь заставляла его решать вопросы и невоенного порядка. Острой для Италии проблемой была аграрная. С ней снова столкнулись представители буржуазно-демократического лагеря, к которому принадлежал и Гарибаль-

ди. Строго разработанной аграрной программы у него не было, однако он чувствовал, какую огромную силу в национально-освободительном движении представляет крестьянство. Гарибальди видел тяжелую участь крестьян и «существующую ненависть между землевладельцами и батраками». В одном из воззваний он обращался к землевладельцам с призывом: «отдавать часть своего излишка» зависящим от них людям. В занятых им местностях он освобождал крестьян от непомерных налогов. Так, например, придя в Бергамо, Гарибальди узнал, что неприятель обложил деревни долины податью. Он тут же издал распоряжение об отмене всех налогов и податей и «спас, — как он говорит, — бедных селян от грабежа». Благодаря такой прогрессивной политике Гарибальди пользовался поддержкой не только городских масс, но и значительной части крестьянства.

Политика Гарибальди имела своим следствием стремление широких народных масс стать под его знамена. Всюду, куда он ни приходил, население требовало оружия. Однако в оружии у Гарибальди был большой недостаток, и он должен был довольствоваться лишь теми запасами, которые ему удалось захватить у неприятеля. Гарибальди просил прислать ему оружие, но Кавур не хотел увеличивать количество его солдат. Пьемонтские правители делали все возможное, чтобы обуздать революционную инициативу масс. Они старались ослабить корпус Гарибальди и часто, желая от него избавиться, посылали его на верную гибель.

К началу июня отряды альпийских стрелков очистили большую часть Ломбардии от неприятеля. Вскоре также союзная армия одержала победу над австрийскими войсками при Мадженте, а французы разбили их в битве при Сольферино. Успешная борьба против австрийцев на фронтах дала новый толчок развитию революционной борьбы. Народные волнения вспыхнули в Тоскане, Парме, Модене, в Папской области. Народное движение в Италии принимало угрожающий характер и могло привести к созданию единой и независимой Италии. Это уже не входило в планы Наполеона III. Поэтому он поспешил закончить войну.

Согласно условиям перемирия, заключенного 11 июля в Виллафранке, и последовавшего за ним мира Италия все же оставалась раздробленной. Ломбардию австрийский император передал французскому, который в свою очередь «дарил» ее пьемонтскому королю. Венеция же оставалась за Австрией. В Парме, Модене и Тоскане восстанавливалась власть прежних государей. Пьемонтский король на эти условия согласился.

Позорный Виллафранкский договор вызвал взрыв возмущения масс по всей стране. Особенно сильным оно было в Центральной Италии. Герцоги Тосканы, Модены и Пармы,

вернувшиеся на свои троны, вновь были изгнаны из своих владений. То же самое произошло и в северной части Папской области — в Романье. Эти «известия из Средней Италии побуждали к военным действиям», — говорил Гарибальди. Он двинулся в столицу Тосканы — Флоренцию на помощь восставшему народу. Однако, прибыв туда, Гарибальди убедился, что ему придется иметь дело с кавуристами. Либерал Риказоли, ставший во главе временного правительства Тосканы, вместо того чтобы принять меры против организовывавшейся контрреволюции, просил Гарибальди «успокоить народ».

К Гарибальди вновь стекались толпы добровольцев со всех концов страны, и массы требовали поставить его во главе всех вооруженных сил Центральной Италии. Но трусливые либералы разрешили ему командовать только одной дивизией, а добровольцев отправляли обратно домой.

Политика Кавура, уступка Франции Савойи и Ниццы вызвали глубокое возмущение Гарибальди. Он явился в пьемонтский парламент и как депутат от города Ниццы произнес страстную, обличительную речь, называя Кавура изменником, требуя отдачи его под суд и отставки правительства. Однако палата, состоявшая из кавуристов, утвердила соглашение с Наполеоном. Весной 1860 года под давлением масс, добившихся единства, Романья, герцогства Тоскана, Парма и Модена были присоединены к Пьемонту, а Савойя и Ницца отошли к Франции. Гарибальди отказался от звания депутата пьемонтской монархической палаты.

За Центральной Италией восстал и юг. Еще в конце 1859 года Сицилия вновь поднимается против гнета испанских Бурбонов. 4 апреля 1860 года под руководством вождя сицилийских республиканцев Розалино Пило началось восстание в Палермо. Восстание было подавлено через несколько дней самым свирепым образом, и повстанцы ушли в горы. Но выступление бедноты Палермо послужило сигналом для нового подъема национально-освободительной борьбы.

Республиканская партия Мадзини решила взять руководство движением в Сицилии в свои руки. Для оказания помощи повстанцам в Генуе был организован так называемый «Сицилийский комитет». Он начал готовить экспедицию в Сицилию с расчетом захватить остров, а оттуда при помощи восставших предпринять поход на материк и овладеть всем Неаполитанским королевством. В качестве руководителя этого похода был приглашен Гарибальди. Так был задуман знаменитый поход гарибальдийской «тысячи» краснорубашечников, сыгравший крупнейшую роль в воссоединении Италии.

Приготовления к экспедиции начались в конце апреля. Из массы добровольцев, желавших принять в ней участие, Гарибальди отобрал тысячу с лишним человек — самых отважных.

В своем большинстве это были его старые соратники — альдрийские егеря. Деньги и оружие для экспедиции Гарибальди получил из фонда «Миллион ружей», подписку по которому он организовал еще в 1859 году.

Для объединения всех национальных сил в борьбе с иностранным владычеством Гарибальди проводил экспедицию под лозунгом «Италия и Виктор-Эммануил». Как и многие республиканцы, он считал, что Пьемонт в то время являлся основной военной силой Италии, без которой невозможно вести освободительную войну. Впоследствии Гарибальди писал в своих «Мемуарах», что это убеждение заставляло тогда даже молчать его «республиканскую совесть», но что позже его взгляды изменились, так как слишком велики были «преступления монархии».

Кавуровский буржуазно-помещичий блок вел двуличную политику по отношению к экспедиции Гарибальди. С одной стороны, представители этого блока сочувствовали экспедиции, надеясь в случае ее удачи присоединить завоеванное королевство к пьемонтской монархии; в случае же неудачи республиканцы были бы скомпрометированы и разбиты. Но, с другой стороны, они боялись республиканского характера движения, сознавая, что при полном успехе экспедиции опасности подвергается и сама пьемонтская монархия. Несмотря на все препятствия, чинимые Кавуром, Гарибальди все же сумел благодаря поддержке широких масс снарядить экспедицию в течение 10 дней. Социальный состав «тысячи» был разнообразным. Почти половину экспедиции составляли пролетарские слои — рабочие, ремесленники, городская беднота; много было студентов, представителей мелкой буржуазии, интеллигенции. В «тысяче» участвовали добровольцы разных национальностей, в том числе и русские.

Экспедиция была плохо вооружена. Гарибальди говорил о «жалком оружии», с каким ему пришлось сражаться против войск Бурбонов. Большую роль в организации экспедиции сыграл один из сподвижников Гарибальди — Нино Биксио. Благодаря его усилиям были получены пароходы «Пьемонт» и «Ломбардия», перевезшие «тысячу» в Сицилию. Ночью 5 мая экспедиция отплыла из генуэзской гавани. Корабли везли тысячу с лишним волонтеров, четыре пушки и 5 тысяч ружей. По пути Гарибальди остановился в тосканской бухте Сан-Стефано и направил 60 человек в Папскую область, чтобы отвлечь внимание от сицилийской экспедиции и дать повод предполагать, что она направлена против папы.

Для того чтобы ввести в заблуждение неаполитанские суда, сторожившие экспедицию в Тирренском море, Гарибальди вначале направился не прямо в Сицилию, а к берегам Африки. Когда корабли Гарибальди вошли в гавань Марсалы (Сицилия), неприятельских судов там не было. Обману-

тый неприятель подоспел лишь тогда, когда Гарибальди уже разгрузил полностью одно судно и наполовину — второе. Но и подоспев к берегу, неаполитанские корабли не могли открыть огонь по Гарибальди: в гавани находились два судна английского королевского флота. Английские офицеры просили неаполитанцев не открывать огонь до тех пор, пока они не посадят на борт свой экипаж. Гарибальди воспользовался этим и успел полностью разгрузить свои корабли. 11 мая волонтеры беспрепятственно вступили в город Марсалу.

Овладев городом, Гарибальди выпустил прокламацию к народу Сицилии, в которой писал: «Сицилийцы! Я привел к вам горсть храбрецов, уцелевших от ломбардских битв. Мы слышали геройский клич Сицилии — и вот мы среди вас. Мы желаем только одного — освобождения отечества. Будем единомышленны, и дело окажется не трудным. К оружию!».

Гарибальди действовал в Сицилии в тесном контакте с повстанческим движением. Посоветовавшись с местными руководителями республиканской партии, он выработал общий план борьбы. К Гарибальди начали стекаться повстанцы, вооруженные кто чем мог, — пиками, саблями, ножами, дубинами, кинжалами. Уже в Салеми, находящейся близ Марсалы, к отряду Гарибальди присоединились 4 тысячи вооруженных крестьян. Поход Гарибальди способствовал усилению крестьянского движения. Восстания крестьян сопровождалось в ряде случаев захватом земель.

Ближайшей целью Гарибальди было овладение Палермо. По пути из Марсалы в Палермо Гарибальди пришлось выдержать крупную битву, которая была решающей в походе 1860 года. Сражение произошло 15 мая близ города Калатафими. Бурбонские войска не выдержали натиска храбрых альпийских егерей и местных повстанцев, дравшихся, словно львы. Это была первая победа «тысячи» в Сицилии. Последствием этой победы было почти повсеместное восстание населения. Всюду образовывались вооруженные отряды, которые присоединялись к гарибальдийцам.

На пути к Палермо Гарибальди уже имел в своем распоряжении около 8 тысяч человек. В столице Сицилии Гарибальди ожидала 20-тысячная армия под командованием генерала Ланца и королевский флот. Партизанский вождь сначала решил попытаться обмануть неприятеля. 26 мая Гарибальди созвал свой штаб, перед которым изложил план взятия Палермо, поразивший всех своей простотой.

«Главные силы Бурбонов, — показывал Гарибальди на карте, — сосредоточены в настоящее время против нас. Я оставляю для продолжения битвы кого-нибудь из вас с возможно меньшим числом людей. Он отступит в глубь острова и привлечет за собой Бурбонов, которые будут думать, что имеют дело со всей моей армией. Сам же я с главными силами со-

вершу ночью фланговое движение и на другой день неожиданно явлюсь перед стенами Палермо в таком месте, где меня совсем не ожидают. Стремительная атака и город наш».

27 мая, после короткой схватки, Гарибальди вступил в город, где еще оставались значительные силы. Гарибальди сразу же начал готовиться к отражению неминуемой атаки. Прежде всего он принял меры, чтобы привлечь на свою сторону население. Выступление Гарибальди с речью на городской площади возбудило в народе революционный энтузиазм. Женщины, старики и дети на улицах Палермо строили баррикады. 28 мая, когда вернулись королевские войска, началась бомбардировка города с двух сторон, с суши и с моря.

Два дня длилось кровопролитное сражение, в котором волонтеры вместе с повстанцами, воодушевляемые Гарибальди, проявили сказочный героизм. «Все были. действительно готовы,— говорил Гарибальди об этом сражении,— быть погребенными под развалинами прекрасного города. Должно было казаться чудом, что 20 тысяч поборников деспотизма вынуждены капитулировать перед горстью горожан...».

30 мая Бурбоны отступили и были навсегда изгнаны из столицы чудесного острова. Изгнание Бурбонов из Палермо превратилось в настоящий национальный праздник. Город был иллюминирован, несколько дней подряд длились грандиозные манифестации и народное веселье.

На острове возникла новая власть. Она была организована в форме революционно-демократической диктатуры, а Гарибальди принял звание диктатора Сицилии. Сам Гарибальди следующим образом определил свое отношение к диктатуре: «Заговорили о необходимости диктатуры. Я принял ее без возражений, так как в известных случаях и при больших кризисах я всегда видел в ней якорь спасения для народов». Он понимал необходимость диктатуры хотя бы на время, нужное для окончательного подавления контрреволюции и закрепления революционных завоеваний.

На освобожденном острове Гарибальди провел ряд важных мероприятий. Он выпустил на волю тысячи политических заключенных, томившихся в тюрьмах Палермо и других городов. Он принялся за организацию школ и приютов для беспризорных детей. Гарибальди позаботился также о семьях, пострадавших от военных действий; издал декрет об отмене налога на помол.

Виктор-Эммануил и его министр Кавур были не на шутку встревожены успехами Гарибальди. Их пугал демократический характер и размах, который принимала сицилийская революция. Поэтому, пока Гарибальди занимался общественным устройством острова, Кавур начал опутывать Гарибальди сетью контрреволюционных интриг. Он послал в Палермо своего агента Лафарину, якобы для «помощи» в организации

правительства. Ему удалось настоять на смене фактического главы правительства — Криспи, который был заместителем диктатора (продиктатором). Вместо Криспи пришел Депретис — сторонник Кавура. Гарибальди скоро заметил, что главной целью Лафарины является устранение из правительства республиканцев и введение в его состав сторонников Кавура, стремившихся к быстрейшему присоединению Сицилии к монархии Виктора-Эммануила. Интриги Кавура были разоблачены. 7 июля Гарибальди издал декрет о высылке Лафарины и его приближенных из Сицилии. Гарибальди был возмущен требованиями о присоединении острова к пьемонтской монархии. Он ставил задачу разрушения неаполитанского и папского государства и ни о каком присоединении пока не хотел и думать.

В городах Италии революция продолжалась. Победа Гарибальди в Сицилии вызвала повсюду новую волну революционного энтузиазма. В июле в Палермо прибыли из Генуи две новые дивизии волонтеров в количестве 4 тысяч человек.

Теперь Гарибальди решил, что наступила пора перебраться на материк. Планы Гарибальди приводили Кавура в ярость. Виктор-Эммануил написал Гарибальди письмо, в котором «во имя Италии» просил его не переправляться через пролив и не идти на Неаполь, иначе он будет «действовать, как сочтет нужным». Но Гарибальди не испугался угроз. 27 июля он написал ответ королю, в котором говорил: «Нынешнее положение Италии не позволяет мне колебаться: народ призывает меня. Если я остановлюсь теперь, то изменю своему долгу и святому делу освобождения Италии».

Переплыть пролив оказалось, однако, возможным только через три недели. Тем временем Гарибальди занялся внутренней организацией армии. За время действия на острове Гарибальди собрал значительную армию. В Мессине в его войсках насчитывалось уже 16 тысяч человек. Эту армию Гарибальди разделил на четыре дивизии под командованием своих сподвижников — генералов Медичи, Биксио, Козенца и Тюрра. Гарибальди создал также свой флот в количестве пяти судов и 300 барок и кавалерийскую бригаду. Значительно улучшилось вооружение армии: ее артиллерия состояла из 40 пушек.

Во всех операциях Гарибальди давал лишь общие указания, остальное предоставлялось инициативе низших командиров. В чинах гарибальдийцы повышались очень быстро, в особенности после битвы. Возведение в тот или иной чин проводилось по требованию самих волонтеров, выдвигавших своих лучших товарищей, отличившихся в боях. Гарибальди лишь утверждал эти решения. Дисциплина в армии Гарибальди была строгой, но сознательной. Гарибальди уделял много времени воспитанию своих солдат. Часто во время отдыха

части можно было увидеть его у палаток или на поле беседующим с бойцами. Дисциплину и самоотверженность Гарибальди воспитывал в своих бойцах личным примером.

Наступило время переправы через пролив. Тщательно подготовившись и выбрав удобный момент, Гарибальди ночью 18 августа высадился с главными силами на калабрийском берегу — в Мелито. Оттуда он немедленно направился в Реджо, обороняемый 40-тысячной регулярной армией. После трехдневного жестокого боя неаполитанцы капитулировали, и Гарибальди занял город. Эта победа решила судьбу остальной части Неаполитанского королевства. 100-тысячная армия неаполитанского короля была целиком деморализована. Солдаты отдавали гарибальдийцам свое оружие. Путь Гарибальди и его храбрецов от Реджо до Неаполя представляет собой блестящее триумфальное шествие. Целые части во главе со старыми генералами разбежались при появлении армии Гарибальди. По дороге волонтеров окружали толпы воодушевленных, восторженных жителей.

Энгельс в своей статье «Продвижение Гарибальди» восхищался грандиозным планом Гарибальди — планом освобождения Южной Италии — и особо приветствовал его решение идти сушей через Калабрию, пересекая таким образом почти все Неаполитанское королевство с юга на север. Энгельс указывал, что план Гарибальди — пройти через все королевство, не отправляясь морем, прямо к Неаполю — был рассчитан на поддержку его армии восставшим населением и что восстание в Неаполе было частью общего плана.

6 сентября, вечером, гарибальдийская армия вступила в Неаполь, встреченная народным ликованием, а на другой день, в 10 часов утра, Гарибальди в открытой коляске в сопровождении нескольких человек торжественно въехал в столицу освобожденного им королевства. Легендарная эпопея славной «тысячи» в революции 1859—1860 годов подходила к концу. Неаполитанский народ был освобожден от веками угнетавших его тиранов. Подводя итоги этому походу, Энгельс писал: «...Гарибальди показал себя не только смелым вождем и ловким стратегом, но и научно-подготовленным генералом», героем, который «за всю свою жизнь не сдал ни одного военного экзамена...»¹.

Целую неделю после вступления в Неаполь Гарибальди длились народные торжества. Иллюминация, фейерверки, уличные представления, демонстрации, митинги, песни — все это наполняло улицы Неаполя. Однако предстояла еще жестокая битва с королевскими войсками. Эта битва произошла на реке Волтурно, у Санта-Мария. Королевские войска, чувствуя, что эта попытка будет последней, дрались с ожесточе-

¹К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II, стр. 149.

нием. По своей численности они больше чем вдвое превосходили гарибальдийцев. Но доблестные волонтеры дрались с неослабевающей энергией. В этом сражении был момент, когда казалось, что Гарибальди был близок к поражению: у гарибальдийцев кончились уже патроны, а неприятель все продолжал сыпать градом пуль и ядер. Тогда волонтеры бросились в штыковую атаку. Одновременно на помощь гарибальдийцам начало подходить местное население. После двухдневной упорной и кровопролитной битвы победа была одержана, войска короля отступили. 2 октября, в 5 часов вечера, Гарибальди телеграфировал в Неаполь: «Победа по всему фронту». Народная революция на юге Италии восторжествовала.

В освобожденном королевстве было образовано революционно-демократическое правительство и Гарибальди был провозглашен диктатором Обеих Сицилий. Во время своего пребывания в Неаполе Гарибальди провел в жизнь много важных мероприятий: издал декрет о запрещении иезуитских корпораций — очагов контрреволюции, принадлежавшие Бурбонам земли были национализированы. Был издан декрет о раздаче государственных земель крестьянам. Пострадавшим от войны были назначены пенсии; был учрежден ряд приютов, благотворительных обществ и т. д. Важным мероприятием Гарибальди была организация общественных работ.

Необходимо, однако, отметить, что аграрный вопрос — самый важный — не был разрешен Гарибальди. Декрет о раздаче крестьянам государственных земель не был реализован. Правительство Гарибальди не призывало крестьян к захвату земель баронов, а, наоборот, удерживало их от этого. Был даже случай, когда отряд Биксио подавил крестьянский бунт. Причина такой политики заключается в том, что люди, окружавшие Гарибальди (Криспи, Паллавичино, Биксио и др.), полагали, что гражданская война между крестьянами и помещиками может скомпрометировать режим Гарибальди и ослабить его армию; они боялись аграрной революции и призывали крестьян к борьбе лишь против бурбонских солдат. Эти примиренцы оказали свое воздействие на Гарибальди. Но следует подчеркнуть, что такой политики по отношению к крестьянству придерживалась почти вся республиканская партия. В этом заключается слабость и противоречивость всего демократического крыла в национально-освободительном движении Италии.

Между тем имущие классы Южной Италии, видевшие в гарибальдийском движении угрозу своим интересам, не дремали. Помещики, крупные буржуа обращались к Виктору-Эммануилу с петициями о присоединении Южной Италии к Пьемонту. Кавур наводнял Неаполь своими агентами, также агитировавшими за присоединение к Пьемонту.

Устоять среди этих интриг Кавура и контрреволюционной агитации монархистов и либералов возможно было только при чрезвычайно быстрых и решительных действиях. Однако Гарибальди таких действий не предпринимал и вскоре подпал под влияние либералов. Маркс и Энгельс осуждали Гарибальди за его нерешительность, они вели переписку с его сторонниками, посылали ему и его друзьям свои работы по итальянскому вопросу (например, «По и Рейн» и др.) и старались оказать на него и на Мадзини свое влияние.

Кавур и Виктор-Эммануил рвались в Неаполь с не меньшим нетерпением, чем Гарибальди в Рим. Они понимали, что вступление гарибальдийцев в Папскую область будет содействовать дальнейшему расширению революции и может привести к свержению Савойской династии. Поэтому Виктор-Эммануил двинул 20-тысячную армию в Папскую область, а затем вступил в Неаполитанское королевство. Он опубликовал воззвание «К народам южной Италии», в котором призывал к примирению с монархией и объявил «конец эры революции».

В Неаполе, как и в Палермо, продолжала действовать монархическая партия. В государственном аппарате сидели королевские чиновники, саботировавшие мероприятия правительства Гарибальди и готовившие контрреволюционный переворот. Монархисты и умеренные организовали большую демонстрацию с требованием присоединения Южной Италии к Пьемонту. Некоторые из помощников Гарибальди, в частности генерал Тюрр и продиктатор Паллавичино, усиленно склоняли Гарибальди принять это требование.

Гарибальди решил назначить плебисцит по вопросу о присоединении к Пьемонту. Плебисцит был проведен 21 октября, когда пьемонтская армия во главе с Виктором-Эммануилом уже приближалась к столице. Под влиянием агитации монархистов и либералов плебисцит кончился победой сторонников присоединения юга Италии к Сардинскому королевству.

6 ноября 1860 года в Неаполь явился Виктор-Эммануил. Гарибальди вынужден был сложить с себя диктаторскую власть и объявить о передаче власти в освобожденной им Южной Италии королю Виктору-Эммануилу. Вскоре декреты, изданные Гарибальди, были отменены, его армия распущена.

После того как Виктор-Эммануил своеобразным способом вырвал у Гарибальди завоеванную им власть, партизанскому вождю ничего не оставалось, как уйти на время от политической жизни. «...Я стремился вернуться к своему одиночеству (на Капреру.— В. Н.)»,— заканчивает Гарибальди свой рассказ о славном походе «тысячи».

Тяжело было Гарибальди расставаться со своими старыми боевыми товарищами—ветеранами Монтевидео и Рима, прошедшими под его руководством сквозь десятки битв. Пе-

ред отъездом Гарибальди собрал своих волонтеров, чтобы проститься с ними, и сказал им: «Примите как последнее заключение десяти битв мое прощальное слово. Я произношу его с сильным чувством, оно идет из глубины моей души. Сегодня я должен удалиться, но только не надолго... В день битвы я снова буду рядом с вами, рядом с воинами за итальянскую свободу. Мы скоро встретимся и пойдем вместе освобождать наших братьев.

До свидания весной в Риме!» — закончил Гарибальди.

Гарибальди вместе со своим сыном Менотти и несколькими соратниками уехал на Капреру. В 5 часов вечера под бурные возгласы «Evviva Garibaldi!» корабль отплыл. Долго волонтеры на берегу Неаполя махали платками и шляпами, провожая своего любимого полководца.

А. И. Герцен с глубокой горечью писал об этом отплытии: «...он с горстью людей победил армию, освободил целую страну и был отпущен из нее, как отпускают ямщика, когда он доезжает до станции».

Экспедиция Гарибальди на юг Италии явилась самым крупным выступлением народных масс в их борьбе за объединение Италии революционным путем. В этом походе объединились антифеодальные, демократические силы всех итальянских государств.

В результате войны и революции 1859—1860 годов Италия была в основном объединена. Решающую роль в объединении страны сыграли не Кавур, не Виктор-Эммануил, которых буржуазные историки называют «освободителями Италии», а борьба народных масс, руководимых революционными элементами буржуазии, наиболее выдающимися представителями которых были Гарибальди и Мадзини.

Однако недостаточная организованность демократических сил, слабое участие крестьянства в революции, колебания вождей республиканской буржуазии обусловили незавершенность революции 1859—1860 годов в Италии. Создалось такое соотношение сил, при котором пьемонтская монархия сумела воспользоваться плодами завоеванных революцией побед и присоединить к Пьемонту уже освобожденные государства. Энгельс отмечал, что господствовавшая в Пьемонте династия приобрела себе итальянскую корону потому, что «присоединилась к революции».

Борьба за завершение объединения Италии

В 1861 году было образовано Итальянское королевство. Но вне пределов Итальянского королевства все еще находились Папская область и Венеция. Летом 1862 года Гарибальди задумал предпринять поход для освобождения Рима от

власти папы и французских оккупантов, оставшихся в Риме после подавления революции 1848—1849 годов.

В середине июля Гарибальди высадился в Марселе и бросил клич «Рим или смерть!». Тотчас же к герою начали стекаться добровольцы со всей Сицилии. Гарибальди собрал вокруг своего знамени более 3 тысяч человек. Наполеон III, узнав о высадке Гарибальди, послал в Рим войска для подкрепления французского гарнизона и потребовал от Виктора-Эммануила принятия срочных мер. Король выпустил прокламацию, в которой оценивал поход Гарибальди как «мятеж» и призыв к «междоусобной войне». Он угрожал строгой карой всем тем, кто к нему присоединится.

Энтузиазм народных масс всего острова был так велик, что власти не осмелились воспрепятствовать продвижению Гарибальди. Он прошел через Палермо, где к нему присоединились новые люди, и достиг города Катания. Здесь, на глазах части королевского военного флота Гарибальди с отрядом в 3500 человек переплыл на материк и направился к Реджо. Но там их ждали правительственные войска, высланные генералом Чальдини.

Гарибальди надеялся, что солдаты перейдут на его сторону. Он не хотел братоубийственной войны, поэтому отвел свой отряд в горы. Королевская армия, получившая приказ во что бы то ни стало уничтожить волонтеров, преследовала отряд. 29 августа у горы Аспромонте она его настигла и открыла огонь. Гарибальди приказал своим не стрелять. Однако на этот раз волонтеры ослушались своего вождя и начали стрелять. Первым открыл огонь сын Гарибальди Менотти, командовавший батальоном. Гарибальди встал между обеими армиями и попытался остановить стрельбу. Пуля поразила его в левую ногу. Еле держась на ногах, он продолжал попытки прекратить огонь, но вскоре зашатался и упал: второй пулей он был ранен в правую ногу. Это была самая тяжелая из всех десяти ран, полученных Гарибальди за его жизнь. Гарибальди был взят в плен и помещен в крепость Вариньяно, а затем отправлен в Специю.

Рана Гарибальди была очень серьезной и вызывала у многих врачей опасение за его жизнь. Врачи настаивали на ампутации ноги, но Гарибальди не соглашался. Тогда был приглашен в Специю знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов, проживавший в то время в Гейдельберге и руководивший там занятиями молодых русских ученых, готовящихся к профессуре в отечественных университетах. Пирогов не согласился с решением врачей, и благодаря его помощи пуля была вынута. Гарибальди сохранил глубокую благодарность знаменитому русскому хирургу.

Между тем прошло уже три месяца со времени ареста Гарибальди. Народные массы Италии негодовали. Во многих

европейских странах состоялись митинги, массовые демонстрации в честь Гарибальди. Особенно бурный характер носил митинг 28 сентября в Гайд-парке в Лондоне. Рабочие избрали «Гарибальдийский комитет» и направили делегацию к консулу Итальянского королевства с заявлением протеста против ареста Гарибальди. Виктор-Эммануил вынужден был «амнистировать» Гарибальди, а затем отправить его на Капреру.

Весной 1864 года Гарибальди предпринял агитационную поездку в Англию с целью сбора денежных средств для организации нового похода. Но английское правительство вскоре выслало его из страны, и средств ему собрать не удалось.

Во время этой поездки Гарибальди встретился на квартире у Герцена с Мадзини. На банкете, устроенном у Герцена, Гарибальди заявил, что он поднимает бокал «за юную Россию, которая страдает и борется, за *новую* Россию, которая, раз одолев Россию царскую, будет, очевидно, в своем развитии иметь огромное значение в судьбах мира».

В 1866 году началась австро-прусская война. Италия участвовала в этой войне на стороне Пруссии, чтобы после разгрома Австрии добиться присоединения Венеции к Италии. Виктор-Эммануил решил снова использовать популярность Гарибальди и пригласил его принять участие в войне с отрядом волонтеров. Гарибальди был поручен участок фронта — Южный Тироль, на котором он нанес австрийцам ошеломляющие удары. После победы прусской армии под Садовой исход войны был решен. Австрийский император вынужден был заключить с Пруссией перемирие: в результате этой войны Венеция была присоединена к Италии.

После войны Гарибальди снова вернулся на Капреру. Однако он не мог оставаться здесь долго. Все еще не был решен римский вопрос. Летом 1867 года Гарибальди совершил агитационную поездку по Северной и Центральной Италии. Во многих городах он выступал с речами и призывал к новому походу на Рим. Но «ищейки правительства Парижа и Турина», как говорил сам Гарибальди, окружили его, и 25 сентября он был арестован. Через некоторое время ввиду возмущения масс его арестом он был под конвоем отправлен на «свою» Капреру, как итальянское правительство называло место его фактической ссылки; остров к тому же был окружен военными судами. «...Я оказался пленником в своем собственном доме, — рассказывает Гарибальди, — охраняемом броненосцами, несколькими пароходами и торговыми судами, нанятыми для этой цели».

Между тем подготовка к походу на Рим продолжалась. Во многих городах соратники Гарибальди образовали волонтерские отряды и с разных сторон двинулись на Рим. Сын Гарибальди — Менотти также выступил во главе одного из отря-

дов. Вечером 14 октября 1867 года Гарибальди покинул Капреру и на маленькой лодке добрался до ближайшего острова — Мадалены. Здесь героя ожидали его старые друзья. Гарибальди вместе со своими соратниками прибыл во Флоренцию. 22 октября Гарибальди во главе отряда волонтеров из нескольких сот человек перешел границу Папской области и двинулся в местечко Монте-Ротондо. Во многих городах начались уже восстания. Итальянское правительство, не желавшее присоединения Рима при помощи революционных волонтеров, немедленно послало свою армию против Гарибальди. Французский император снова объявил себя сторонником папского престола и также послал в Рим свой корпус. 25 октября Гарибальди соединился с отрядом Менотти и разбил армию папы у Монте-Ротондо. 3 ноября в битве при Ментане объединенные силы французских и папских войск нанесли Гарибальди сильное поражение. Он вынужден был отступить. А король-«освободитель» поспешно арестовал героя и под конвоем отправил на Капреру. И на этот раз новое предательство итальянского правительства и арест Гарибальди вызвали восстание в Милане, немедленно подавленное самым свирепым образом. Так кончилась последняя попытка Гарибальди освободить Рим.

Однако Рим уже не мог долго оставаться отделенным от Италии. Летом 1870 года в Риме произошли народные волнения, грозившие перерасти в открытую революцию. Во многих городах страны народные массы все решительнее требовали освободить древнюю столицу от тирании папства. По поручению Гарибальди, один из его помощников — Биксио сформировал отряд добровольцев и направился в Чивита-Веккию, где находился французский гарнизон. 19 июля 1870 года началась франко-прусская война. С началом войны Наполеон вынужден был отозвать свой гарнизон из Чивита-Веккии. Уход французских войск облегчил продвижение повстанческого отряда гарибальдийцев в Папскую область. Поражение французской армии при Седане 2 сентября 1870 года, приведшее к крушению наполеоновской империи, окончательно лишило папу поддержки со стороны Франции. Теперь и Виктор-Эммануил послал свою армию в Рим, стремясь опередить гарибальдийцев. 20 сентября итальянские добровольцы и войска короля Виктора-Эммануила вступили в Рим. Светская власть папы была свергнута навсегда, территория Папской области присоединена к Итальянскому королевству. В 1871 году Рим был провозглашен столицей Италии. Создание итальянского национального государства было закончено.

Но Гарибальди еще пришлось повоевать во Франции. После свержения Наполеона III он предложил свои услуги республиканскому правительству Франции в войне против Пруссии. Это правительство, которое, по меткому выражению

Гарибальди, стыдилось открыто объявить себя республиканским, колебалось в принятии предложения Гарибальди. Но, когда прусская армия начала осаду Парижа, к нему на Капреру приехал генерал Бордон и от имени французского правительства предложил выехать во Францию. 7 октября Гарибальди уже был во Франции.

Французское правительство поручило ему командовать Вогезской армией в 8 тысяч человек; с этой армией он 21 ноября разбил 20-тысячную прусскую армию. Гарибальди, который к этому времени стал инвалидом и мог передвигаться лишь в коляске, все время находился на передовых позициях. В Вогезскую армию устремились добровольцы из разных стран мира, и через некоторое время она уже насчитывала 15 тысяч человек. 3-й и 4-й бригадами этой армии командовали сыновья Гарибальди — Менотти и Риччиотти. В январе 1871 года Гарибальди наголову разбил прусскую армию при Дижоне и занял столицу Бургундии. Но тут пришли вести о перемирии и о капитуляции Парижа. Гарибальди было предложено прекратить военные действия.

Французский народ остался глубоко благодарен Гарибальди за его бескорыстную помощь в борьбе против захватчиков. Подвиги Гарибальди во Франции вдохновляли также и патриотов французской колонии Алжира, видевших в нем «борца за всемирную республику». Во время выборов в Национальное собрание Франции алжирцы избрали его своим депутатом. Когда же через несколько дней Гарибальди вошел в зал заседания Национального собрания, он был встречен диким ревом Тьера и его шайки¹. Раздались возгласы, что Гарибальди не является французским гражданином и поэтому «незаконно» избран депутатом. Так французская буржуазия «отблагодарила» Гарибальди за его геройскую защиту Французской республики.

В тьеровской Франции Гарибальди больше нечего было делать. «У меня не было больше возможности сделать что-нибудь для страны, которой я пришел на помощь в несчастии. Тогда я решил отправиться в Марсель, а оттуда на Капреру», — писал Гарибальди; 16 февраля 1871 года он прибыл на остров Капреру. Последний поход выдающегося революционного полководца закончился.

* * *

Престарелый Гарибальди пользовался огромной любовью и авторитетом в народных массах. Его тесная связь с народом, его любовь к нему и понимание его нужд помогли Гарибальди в последние годы своей жизни понять историческую

¹ А. Тьер — лидер реакционной буржуазии в Национальном собрании Франции, впоследствии глава правительства, палач Парижской коммуны.

роль рабочего класса, первые самостоятельные организации которого начали оформляться в Италии в 60-х годах. Понятие «работник» начинало у Гарибальди отделяться от понятия «народ». Приезжавшим на Капреру рабочим делегациям он говорил: «Как мне хорошо с вами! Я сам работник, происхожу от работников и горжусь этим; я называю всех рабочих земного шара своими братьями».

В 70-е годы различные рабочие организации Италии избирали Гарибальди своим почетным членом. К Гарибальди приезжали рабочие делегации не только из городов Италии, но и из других европейских стран. Гарибальди вел большую переписку с рабочими. Несмотря на свой преклонный возраст и болезнь, Гарибальди разъезжал по городам Италии, выступал на митингах, выпускал прокламации и воззвания, отстаивавшие республиканские идеи.

Последние годы своей жизни Гарибальди провел в тихом уединении на острове Капрера. Обдумывая события прошлого, он понял, что после воссоединения Италия стала буржуазной монархией, власть в которой принадлежала блоку торгово-промышленной буржуазии с помещиками. Та цель, которой он посвятил всю свою жизнь, не была достигнута: свободной и демократической Италии не существовало. С большим гневом Гарибальди выступал против тяжелого положения народа в воссоединенной Италии, против стремления буржуазии к колониальным захватам, против коррупции и подкупа депутатов итальянского парламента. Он призывал народ продолжать борьбу за демократию.

Когда в марте 1871 года в Париже впервые в мировой истории было создано правительство рабочего класса — Парижская коммуна, Гарибальди был одним из немногих, кто не только понял и оценил ее великое значение, но и горячо сочувствовал ей и поддерживал героическую борьбу парижан. Деятели Коммуны обратились к Гарибальди с просьбой возглавить ее военные силы и, не дожидаясь ответа, заочно избрали его главнокомандующим Национальной гвардии, но поехать во Францию ему не довелось.

Благодаря своему революционному инстинкту Гарибальди понял также и значение Интернационала как международной организации рабочего класса, хотя он не вполне ясно представлял себе его цели. Как только в Италии начали создаваться секции Интернационала, Мадзини начал борьбу против них. Гарибальди пишет письма многим политическим деятелям, участникам конгрессов мадзинистов, стремясь склонить их на сторону Интернационала. «Интернационал — солнце будущего», — писал Гарибальди. Он видел в Интернационале организацию, способную добиться освобождения трудящихся. Хотя Гарибальди открыто не вмешивался в борьбу течений внутри Интернационала, он все же выступил против бакунис-

тов, которые вели разлагающую деятельность в Интернационале, особенно в его итальянских секциях. Бакунисты старались привлечь гарибальдийцев на свою сторону и хотели воспользоваться именем Гарибальди. Когда один из видных итальянских анархистов, Крешио, выступавший против марксистского течения в Интернационале, именуемого им (Крешио) «авторитарным», обратился к Гарибальди за поддержкой, то он ответил ему отрицательно и указал, что поддержка бакунистов в Интернационале является главной ошибкой итальянских секций. Парижская коммуна пала потому, писал Гарибальди, что в Париже не было авторитарной (централизованной) власти, а были только анархия, которую проповедовал Бакунин. Энгельс в статье о положении в Интернационале, цитируя слова Гарибальди, с одобрением отмечал: «Старый борец за свободу, который в одном 1860 г. сделал больше, чем попытаются сделать когда-либо на своем веку все анархисты, вместе взятые, знает цену дисциплине...»¹. Отношение Гарибальди к Парижской коммуне и Интернационалу выгодно отличает его от Мадзини, который осуждал Коммуну и вел борьбу против Интернационала.

Гарибальди приветствовал борьбу русского народа против царского самодержавия и выражал свою солидарность с польским освободительным движением. В связи с отказом части русских солдат стрелять по приказу командования в революционных демонстрантов Варшавы, Гарибальди 22 апреля 1861 года в газете «Дейли ньюс» опубликовал открытое письмо к Герцену, в котором резко выступил против злодеяний царских войск и просил передать «слово сочувствия от итальянского народа несчастной и героической Польше и слово благодарности храбрым воинам русским, которые сломали свою саблю, чтобы не обогреть ее в народной крови».

* * *

2 июня 1882 года телеграф разнес по всему миру печальную весть — умер Гарибальди. Вся Италия облеклась в траур: итальянский народ потерял лучшего из своих сынов. На острове Капрера со всей Италии собрались представители демократии и различных рабочих организаций. Приехали делегации и из-за границы.

В день похорон во многих городах Италии происходили демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч человек. Рабочие шли с красными знаменами, портретами Гарибальди, пели «Гарибальдийский гимн» и «Интернационал». В похоронном шествии выделялась колонна бородатых ветеранов-гарибальдийцев со своими старыми, истрепанными знаменами, сохранившимися еще со времен Монтевидео и защиты Римской республики.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 104.

Еще при жизни Гарибальди складывалось много песен и былин о его великих подвигах. Народ навсегда сохранил в своих песнях и легендах образ своего великого сына — Джузеппе Гарибальди.

Отклики гарибальдийского движения в России

Уже во время революции 1848—1849 годов, когда Гарибальди, по словам Маркса, заслужил славу «героя Монтевидео и Рима»¹, он был хорошо известен читающей публике России. Особенно популярным в России Гарибальди стал в 1860 году, когда он начал свой славный поход со знаменитой «тысячей» волонтеров.

Интерес передовой мыслящей России к походу Гарибальди объяснялся наличием в России революционной ситуации. Победоносное шествие Гарибальди с небольшим партизанским отрядом вызывало восхищение борцов за свободу в России и одновременно внушало ужас господствующим классам. По-разному отнеслись к революционным событиям в Италии и к Гарибальди различные общественные слои России, о чем свидетельствует периодическая печать того времени. По вопросу об оценке гарибальдийского движения шла острая и упорная борьба между революционно-демократической печатью, с одной стороны, и либеральной и консервативной — с другой.

Большой интерес к национально-освободительному движению в Италии проявляли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. С пристальным вниманием они следили за революционными событиями 1859—1860 годов. Почти в каждом номере журнала «Современник» появлялись яркие статьи Чернышевского, уделявшего особое внимание походам Гарибальди. Добролюбов посвятил итальянским событиям ряд специальных статей, содержавших глубокий анализ освободительного движения в Италии. Чернышевский и Добролюбов восхищались мужеством и отвагой гарибальдийцев. «Дивная энергия, выказанная волонтерами Гарибальди, была выражением народных сил Италии», — писал Чернышевский по поводу походов Гарибальди в 1859 году. Наши великие революционные демократы сумели разобраться в расстановке политических сил в Италии; в своих статьях они показывали народное гарибальдийское движение и движение либералов, стремившихся обуздать народ. Обсуждая вопрос о революции в Италии, популяризируя партизанские методы ведения войны, применяемые волонтерами Гарибальди, Чернышевский и Добролюбов имели в виду в то же время положение русского народа и перспективы революции в России.

Н. А. Добролюбову посчастливилось быть в Италии во

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. II, стр. 61.

время похода «тысячи» Гарибальди. В мае 1860 года он, по настоянию Чернышевского и Некрасова, поехал лечиться за границу. Он побывал во многих городах Италии, был очевидцем гарибальдийского движения и написал ряд статей об этом для «Современника». Свои статьи Добролюбов писал не как посторонний наблюдатель, а с глубокой страстностью революционного борца. О том, как ратные подвиги народного героя действовали на умонастроение Добролюбова, показывают следующие строки о Гарибальди в его письме к Некрасову: «...вот человек, не уступивший пошлости, а сохранивший свято свою идею... Очевидно, этот человек должен чувствовать, что он не загубил свою жизнь, и должен быть счастливее нас с вами...».

Много трогательных слов сказано Добролюбовым о Гарибальди, особенно в его статье «Отец Александр Гавацци и его проповеди». В этой статье Добролюбов указывает, что Гарибальди побеждал благодаря его неразрывной связи с народом.

С большой теплотой и гордостью Чернышевский отзывался о гарибальдийской «тысяче»; он писал, что ни один из этих закаленных в битвах людей «не отступит шага, ни один не отдастся в плен, каждый будет сражаться до последнего дыхания...».

Будучи целиком на стороне Гарибальди, Чернышевский и Добролюбов отмечали некоторые недостатки в деятельности его партии, особенно по крестьянскому вопросу. Как бы обращаясь к Мадзини и Гарибальди, Чернышевский писал: «Или примите в ваши программы аграрные перевороты, или вперед знайте, что вы обречены на гибель от реакции».

Свою оценку Гарибальди Чернышевский и Добролюбов отстаивали в спорах с русскими либералами, которые всячески превозносили дипломатию Кавура и порицали Гарибальди, его партию. Либеральные публицисты вели резкую полемику с Чернышевским и Добролюбовым по поводу гарибальдийского движения, прибегая к демагогии и фальсификации действительности.

Правдивое освещение итальянских событий русскими революционными демократами дало свои плоды. Известный русский общественный деятель и издатель Л. Ф. Пантелеев рассказывает в своих воспоминаниях, что Гарибальди «быстро завоевал себе популярность во всех концах необъятной России» и что имя его «являлось символом грядущего освобождения».

Интересный факт о популярности Гарибальди среди простого народа России приводит Герцен в письме к Гарибальди. Один извозчик в Петербурге, услышав о предстоящем освобождении крестьян, усомнился в этом и сказал своему клиенту: «Разве уж когда придет господин Галибардов». Герцен

указывает, что на Украине и в Польше народ ждал Гарибальди.

Считаясь с настроением широких читательских кругов, некоторые газеты и журналы вынуждены были «менять тон» в своих статьях о Гарибальди и его сподвижниках. Вот, например, как сообщали о походе «тысячи» Гарибальди даже реакционные «Санкт-Петербургские ведомости»: «Вся Европа с нетерпением смотрит на одного человека, в ожидании, чем кончится задуманное им дело. Гарибальди приковывает, в настоящую минуту, к себе взоры всех, в его руках не только судьба Сицилии и Неаполя, но и всей Италии и — как знать — может быть, значительной части Европы».

Как только начался поход славной «тысячи», революционная молодежь многих стран Европы начала собираться под знамена Гарибальди. Бок о бок с итальянцами сражалась молодежь венгерская, французская, польская, а также русская и украинская. Но не все желавшие могли преодолеть пограничные кордоны и попасть в отряд Гарибальди. Так, узник Петропавловской крепости русский офицер М. Бейдеман в своих показаниях Сенатской комиссии с досадой говорил, что его стремление попасть в ряды Гарибальди не осуществилось. Многие другие русские революционеры, горевшие желанием сразиться под знаменем Гарибальди, не смогли осуществить свои намерения.

Одним из выдающихся русских гарибальдийцев являлся Л. И. Мечников, известный ученый-географ и общественный деятель. Мечников не успел попасть в первую экспедицию «тысячи», но примкнул к одному из дополнительных отрядов, организованных помощниками Гарибальди в разных городах Италии. Он вступил в отряд полковника Дж. Никотера. Когда, после прибытия в Неаполь, наш соотечественник был представлен Гарибальди, последний отдал приказ о зачислении его в штаб и назначении его своим личным адъютантом. В битве на Волтурно 1 октября 1860 года Мечников был тяжело ранен.

Участие Мечникова в революционном движении Италии не ограничивалось чисто военной деятельностью. Он был организатором кружка итальянской молодежи, мечтавшей приобрести земельный участок для устройства трудовой коммуны. Восторженный гарибальдиец, Л. И. Мечников с радостью отмечал симпатии крестьян к гарибальдийскому движению и огорчался тем, что Гарибальди успел очень мало сделать для улучшения их жизни.

Вместе с польскими революционерами Мечников вынашивал план организации гарибальдийской экспедиции в Польшу; он ездил по этому поводу к Гарибальди и заручился его помощью. Однако этот план остался неосуществленным.

Лучшие умы России того времени не могли остаться равно-

душными к подвигам народного героя Италии и сочувственно отнеслись к гарибальдийскому движению. Вот свидетельство нашего великого ученого Д. И. Менделеева, которого некоторые биографы несправедливо рисуют аполитичным или беспристрастным либералом. Осенью 1860 года молодой Менделеев побывал в Италии. Естественно, его потянуло на юг — на арену главных событий. Здесь он впервые увидел Гарибальди. Менделеев не мог удержаться, чтобы не написать восторженное письмо о победоносном движении гарибальдийцев и Гарибальди. «Где ... был когда-нибудь такой человек, как Гарибальди? Он все сделал для Италии, он колотил австрийцев, он освободил Сицилию, куда вступил с 1000 человеками всего, его приближение заставило бежать Бурбона из Неаполя, куда Гарибальди вступил уже с 60 000 сподвижников. Он всех и каждого очаровывает, заставляет бросить личные цели для общих, его красноречие просто, как и он сам, — моряк, генерал не по чину, а по природе, правитель, оратор. И этот человек, кому молятся простолюдины, как богу, кого уважает и знает весь мир, на кого надеется Италия, — он не берет ни почестей, ни денег, ходит в своей красной куртке и ездит на карачелке. Где примеры этого вы найдете в мире? Счастлива страна, которая может назвать, может производить таких людей, как Гарибальди. Невозможно удержаться, чтобы не говорить о Гарибальди, видевши, что сделал он...» Это письмо вскрывает в Менделееве черты прогрессивного ученого 60-х годов.

В архиве Менделеева сохранилась целая коллекция фотографий Гарибальди. Менделеев встречался и беседовал со многими гарибальдийцами. Уже в преклонном возрасте наш великий ученый любил рассказывать своим детям о встречах с гарибальдийцами, как об этом свидетельствует его сын в своих воспоминаниях.

Другой наш великий ученый, К. А. Тимирязев, еще в юные годы свои восхищался героической борьбой Гарибальди. Когда Тимирязеву было 19 лет, он опубликовал статью «Гарибальди на Капрере», в которой воздавал должное «величию и простоте» Гарибальди. Героизм Гарибальди русский ученый демократ связывал с делом, которому он служит, и указывал, что именно потому он и видел в Гарибальди «высшего представителя героя». Тимирязев сравнивал Гарибальди с Дарвином и указывал, что они «оба вели борьбу за свободу — один мысли, другой — жизни и против того же общего врага — клерикализма, опирающегося на невежество народов». Статья Тимирязева о Гарибальди характеризует начало общественно-политической деятельности нашего великого ученого, ставшего затем выдающимся борцом за свободу и демократию.

Интересны отклики на гарибальдийское движение выдающегося русского писателя И. С. Тургенева. Он выражал свои

глубокие симпатии к Гарибальди и к движению, возглавляемому им. По поводу похода Гарибальди в 1862 году Тургенев писал Герцену, что он «с невольным трепетом» следит «за каждым движением этого последнего из героев» и что у него «душа замирает» при мысли о том, что восторжествует реакция. Тургенев был очень огорчен, когда узнал, что указанный поход был безуспешным, и написал А. Фету, что когда он услышал об этом, он «не мог более писать».

Характерен следующий факт, показывающий отношение русского общества к Гарибальди. Когда встал вопрос о поездке Н. И. Пирогова к Гарибальди для лечения его, то оказалось, что у Пирогова не доставало денег для поездки. Тогда его ученики организовали сходку, устроили подписку, собрали тысячу франков и очень просили знаменитого хирурга поехать к Гарибальди. Н. И. Пирогов, вылечивший народного героя Италии, снискал горячую признательность прогрессивной молодежи России. Один из его учеников писал по этому поводу: «Все русские были в восторге от Пирогова, ибо к этому примешивалось кое-что политическое». Не удивительно, что царское правительство после того усомнилось в «политической благонадежности» великого хирурга.

Популярность Гарибальди в России была велика, и она вызывала беспокойство в правящих кругах. Цензура запрещала печатать брошюры и книги о Гарибальди. Так, один цензор в своем заключении на анонимную рукопись о Гарибальди писал, что эта брошюра может вызвать «возбуждающие чувства у народонаселения» и что «невозможно ожидать добра от обращения в простонародии подобных изданий» и поэтому «нельзя допустить к печатанию сию рукопись». Высшие чиновники царского правительства боялись не только книг о Гарибальди. Они боялись его портретов. Шеф жандармов, генерал-адъютант князь В. А. Долгоруков как-то прочитал в газете «Санкт-Петербургские ведомости» о том, что в книжных магазинах Петербурга самым большим спросом пользуются портреты Гарибальди. Он не замедлил выписать это сообщение и препроводить его в Цензурное управление. Этого было достаточно, чтобы на цензора, отвечающего за газету, наложить взыскание.

Гарибальди снискал к себе симпатии не только широких демократических кругов России, но и среди некоторых кругов чиновничества, военных деятелей. Военный деятель Н. Н. Обручев, отнюдь не принадлежавший к числу революционных демократов, в одном из своих писем к Огареву выразил свои глубокие симпатии к Гарибальди и отмечал, что правительство Виктора-Эммануила II стремится превратить гарибальдийское движение в свое орудие.

Чтобы встать под знаменем Гарибальди, летом 1862 года спешит в Италию мелкий чиновник из Полтавы А. И. Ничи-

поренко. Но он не попал в отряд Гарибальди, так как был задержан на австро-итальянской границе, где подвергся тщательному обыску. По доносу австрийской полиции он вскоре был арестован в России за эту свою попытку.

В 1866 году, во время австро-прусской войны, в отряде Гарибальди сражался известный русский ученый-палеонтолог, участник революционного движения в России В. О. Ковалевский. Он написал несколько статей о славных сражениях гарибальдийцев.

Походы Гарибальди привлекали к себе таких выдающихся революционных деятелей, каким являлся Г. А. Лопатин, — один из первых социалистов в России, впоследствии член Генерального совета I Интернационала, переводчик «Капитала» Маркса. В октябре 1867 года он бежал в Италию, чтобы участвовать в походе Гарибальди, но прибыл туда, когда отряд Гарибальди потерпел поражение в битве при Ментане, и ему не пришлось принять участие в походе.

Ореолом славы среди русской интеллигенции 60-х годов окружена была известная писательница-гарибальдийка А. Н. Толиверова-Якоби. Находясь в Риме во время похода Гарибальди в 1867 году, она включилась в активную работу среди римских гарибальдийцев.

После битвы при Ментане было арестовано много гарибальдийцев, в том числе адъютант Гарибальди Л. Кастеллаццо. Большую помощь в организации его побега из римской тюрьмы Сен-Мишель оказала А. Н. Толиверова-Якоби. Она работала сестрой милосердия в госпитале в Риме и оказывала всяческую помощь гарибальдийцам, раненым в сражении при Ментане. Гарибальди поручил ей проникнуть в тюрьму Сен-Мишель и передать Кастеллаццо записку с планом организации его побега. Отважная женщина сумела выполнить это поручение, и побег удался. Она стала близким другом Гарибальди. Позже Гарибальди ей писал: «Через Вас я шлю сердечный и искренний привет Вашему храброму народу, который будет играть столь большую роль в грядущих судьбах мира».

Глубокие симпатии к Гарибальди в нашей стране проявлялись не только во время его славной деятельности, но сохранились надолго и после его смерти. В 1907 году, в связи со 100-летием со дня рождения Гарибальди, некоторые видные русские ученые и общественные деятели написали статьи для юбилейного итальянского сборника. Среди них был и А. М. Горький. В своей статье наш великий писатель рассказывает, что в первый раз он услышал имя Гарибальди на пароходе, когда ему было 13 лет. Простой крестьянин с большим пафосом говорил о героических подвигах Гарибальди в борьбе за народное дело. Затаив дыхание пассажиры слушали вдохновенный рассказ. Горький пишет, что этот рассказ

человека из народа ему запомнился больше, чем все прочитанные им позже книги о Гарибальди.

Известный русский ученый М. М. Ковалевский в своей статье в упомянутом выше сборнике приводит такой интересный факт: один редактор провинциальной газеты в Полтаве рассказал ему, что на собраниях сторонников независимости Украины он много раз слышал упоминание о Гарибальди. «Все движение как в Польше, так и в Малороссии воодушевлялось примером Гарибальди», — писал Ковалевский.

Образ народного героя Италии воодушевлял многих известных деятелей нашей Родины и после Октябрьской революции. Подвигами Гарибальди восхищались герои гражданской войны. Об этом свидетельствуют Фурманов в своей книге «Чапаев» и Н. Островский в романе «Как закалялась сталь». К. Т. Свердлова в воспоминаниях о Якове Михайловиче Свердлове рассказывает, что выдающийся организатор Советского государства восхищался «мужеством и беззаветной храбростью Гарибальди».

О популярности Гарибальди в нашей стране появляются все новые и новые свидетельства. Старая большевичка Р. Б. Борисова в своих воспоминаниях, вышедших к 40-летию Октября, приводит новые, кроме известных уже из книги Фурманова, данные о восхищении чапаевцев подвигами Гарибальди. Она пишет, что Чапаев рассказывал солдатам «истории про Гарибальди», вычитанные им в книгах; а слушателям казалось, что «итальянец Гарибальди был удальцом-богатырем, таким же, как наш Чапаев».

Надо отметить, что в дореволюционной России история гарибальдийского движения почти не исследовалась. Не было ни одной научной или хотя бы серьезной научно-популярной биографии Гарибальди. Предприимчивые издатели наводняли книжный рынок анонимными романами о Гарибальди под заглавием «Атаман разбойников, ставший генералом и величайшим народным героем Италии» и т. п.

Советская историография отбросила все легендарное и пошлое в изучении гарибальдийского движения и на основе марксистско-ленинского метода определила истинную роль и значение Гарибальди в истории.

Заключение

Итальянский народ любил и любит Гарибальди потому, что он был выразителем желаний и чаяний широких масс народа и беззаветно боролся за их осуществление. В измученном нуждой и голодом, политическим гнетом и террором народе Гарибальди встречал волнующие проявления патриотизма. Тесно связанный с народом, являясь плотью от плоти его, он воспринимал свободолюбивые традиции и патриотические

чувства своих соотечественников. И именно народ воспитал в нем качества самоотверженного революционера. Вся жизнь Джузеппе Гарибальди была посвящена одной цели — освобождению итальянского народа от местных и иностранных угнетателей, созданию единой демократической Италии.

Для достижения этой цели Гарибальди старался привлечь как можно больше сторонников к участию в национально-освободительном движении, не раз в процессе борьбы шел на временное сотрудничество даже с Сардинской монархией.

Но Гарибальди понимал классовый характер буржуазного государства и уже в то время видел язву буржуазной демократии. «Плачевно плох метод управления той страной, где общественные деньги служат для подкупа депутатов парламента, офицеров и служащих всех категорий», — говорил он.

Эти убеждения Гарибальди, его ничем не запятнанная героическая борьба за дело народа приближали его к пролетариату. Однако, когда Гарибальди увидел пролетариат, он был уже стар, и почти весь славный жизненный путь его был позади. Гарибальди видел классовую борьбу, но думал, что при «разумной» организации государства ее можно изжить еще в классовом обществе. До марксистского понимания классовой борьбы Гарибальди не дошел.

На общественные воззрения Гарибальди оказали влияние идеи утопического социализма: избавление общества от зол он себе представлял путем имущественного уравнивания всех граждан. Причем осуществить эти уравнивания должно будет «честное и разумное правительство» будущей республики. Но это лишь туманные представления Гарибальди, а не ясные взгляды. Основатель Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши, говоря о политических взглядах Гарибальди, указывал на их бедность и несистематичность.

Партия Мадзини и Гарибальди, отражавшая интересы мелкой и средней буржуазии, не была вполне последовательной в борьбе за демократию. Она проявляла нерешительность и колебания, свойственные мелкой буржуазии, делала недопустимые уступки либеральной буржуазии. Все эти слабости партии и ее колебания были присущи и Гарибальди. В его деятельности сказывалась ограниченность, политическая неадекватность мелкобуржуазного революционера. Главная беда Гарибальди состояла в том, что он не был вооружен стройной революционной теорией и ясной политической программой. Но, несмотря на все свои колебания, революционный демократ в Гарибальди всегда брал верх. Все колебания Гарибальди шли по линии выбора средств, — как лучше осуществить свои республиканские планы, как скорее достичь освобождения Италии от иностранного гнета.

Велики заслуги Гарибальди перед итальянским народом и народами многих стран мира. Энгельс, отмечая роль Гари-

бальди в объединении Италии, указывал, что «в лице Гарибальди Италия имела героя античного склада, способного творить чудеса и творившего чудеса»¹. Национально-освободительное движение, руководимое Гарибальди, оказало огромное влияние на освободительное движение во многих странах в период революции 1848 года и в 60-х годах XIX века.

Образ великого героя итальянского народа оказывает большое влияние на освободительное движение и в нашу эпоху. Великий вождь болгарского народа и выдающийся деятель международного рабочего движения Георгий Димитров отмечал вдохновляющее значение героического образа Гарибальди для борьбы народных масс против войны и фашизма. Когда лучшие представители рабочего класса и демократии Италии сражались в Испании в 1936—1939 годах на стороне республиканцев против фашистских мятежников, они присвоили своей бригаде имя Гарибальди; когда Коммунистическая партия Италии в годы второй мировой войны организовала движение Сопротивления против немецких захватчиков и их итальянских фашистских пособников и создала первые партизанские отряды, этим отрядам присвоено было имя Гарибальди. Это имя означало борьбу за свободу, демократию и национальную независимость. Буржуазная историография фальсифицирует политическую деятельность Гарибальди, рисуя его заурядным либералом, а современные итальянские либералы объявляют себя наследниками традиций Гарибальди. Но это — ложь и обман!

В настоящее время наследником революционных традиций Гарибальди, традиций героических добровольческих легионов — борцов за свободу являются прогрессивные силы Италии, в первых рядах которых идет коммунистическая партия. Старое, прославленное в полувековой освободительной борьбе знамя, перешедшее из рук Гарибальди к пионерам социалистического движения, сейчас находится в руках Итальянской коммунистической партии, под руководством которой народ Италии борется за мир, демократию и социализм.

Героическая жизнь Джузеппе Гарибальди является вдохновляющим примером самоотверженной борьбы за интересы народа в период борьбы за демократию и национальную независимость.

Советские люди, давшие миру новые образцы героизма в период борьбы за социализм и коммунизм, высоко чтут память великого героя итальянского народа.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 461.

СТАТЬИ И ПИСЬМА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА О ГАРИБАЛЬДИ

Статьи

- К. Маркс.** Положение дел в Пруссии. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. II.
К. Маркс. Интересные новости из Сицилии, там же.
К. Маркс. Бурный митинг, там же.
К. Маркс. Митинг в честь Гарибальди, там же.
К. Маркс. Митинги гарибальдистов, там же.
Ф. Энгельс. Стратегия войны, там же, т. XI, ч. II.
Ф. Энгельс. Гарибальдийское движение, там же, т. XII, ч. II.
Ф. Энгельс. Гарибальди в Сицилии, там же.
Ф. Энгельс. Продвижение Гарибальди, там же.
Ф. Энгельс. Гарибальди в Калабрии, там же.
Ф. Энгельс. В Интернационале, там же, т. XV.
Ф. Энгельс. Роль насилия в истории, там же, т. XVI, ч. I.

Письма

- К. Маркс.** Письмо к Энгельсу от 27 мая 1859 года. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXII.
К. Маркс. Письмо к Энгельсу от 1 июня 1859 года, там же.
К. Маркс. Письмо к Лассалю от 2 октября 1860 года, там же, т. XXV.
К. Маркс. Письмо к Энгельсу от 15 сентября 1860 года, там же, т. XXII.
К. Маркс. Письмо к Лассалю от 15 сентября 1860 года, там же, т. XXV.
Ф. Энгельс. Письмо к Марксу от 4 ноября 1859 года, там же, т. XXII.
Ф. Энгельс. Письмо к Марксу от 1 октября 1860 года, там же.
Ф. Энгельс. Письмо к Т. Куно от 13 ноября 1871 года, там же, т. XXVI.
К. Маркс. Письмо к Лассалю от 16 января 1861 года, там же, т. XXV.

СОЧИНЕНИЯ ГАРИБАЛЬДИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

«Мои мемуары». М. 1931.

«Иго монахов или Рим в XIX столетии», СПб. 1870 г.

60 коп.